

Анатолий Дроздов

Не плачь, орчанка!

Анатолий Дроздов
Не плачь, орчанка!

«1С-Публишинг»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дроздов А. Ф.

Не плачь, орчанка! / А. Ф. Дроздов — «1С-Паблишинг», 2018

Будущее Антону Ильину представлялось простым и ясным. Старшина срочной службы, отличник боевой и политической подготовки, секретарь комсомольской организации КПП, кандидат в члены КПСС, он считал дни до дембеля. В родном Минске его ждали отец и сестра. Он вернется домой и проживет счастливо. Счаз! Бой, взрыв гранаты – и здравствуй другой мир! Привет вам, орки и живущие здесь нелюди! Советский пограничник пришел. Он научит вас ходить строем и любить Родину.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дроздов А. Ф., 2018
© 1С-Паблишинг, 2018

Содержание

Пролог	5
1	6
Интерполяция первая	14
2	17
3	26
4	32
5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анатолий Дроздов

Не плачь, орчанка!

Пролог

Граната, кувыркаясь, летела в воздухе.

Антон видел ее отчетливо – цилиндрическую, выкрашенную в защитный цвет РГ-42, формой похожую на консервную банку из стандартного армейского пайка. Формой, но не содержанием. Внутри РГ-42 находилась не гречневая каша с мясом, а сто десять граммов тринитротолуола и металлическая лента с насечками. Спустя считанные секунды эта лента превратится в десятки осколков, которые вопьются в его тело. И тогда...

«Машина! – мелькнула в голове мысль. – У нее стальной кузов, а внутри ящики. Они защитят!»

Окончание этой мысли Антон додумывал на бегу. Тело сообразило раньше, чем мозг. Стремительными прыжками он преодолел расстояние, отделявшее его от «УАЗа», рванул на себя дверцу и вцемился внутрь. Вернее, вбросил себя. Даже успел захлопнуть за собой дверцу. И только затем сообразил: внутри машины – ящик с такими же РГ-42, вдобавок с вкрученными запалами. И «УАЗ» – последнее место, где надлежит прятаться от взрыва. Все-таки мозгу следует доверять больше, чем телу. Однако пожалеть об этом Антон не успел.

Сбоку грохнуло. В следующий миг пространство за стеклами «УАЗа» затопило багровое пламя. Антон ощутил, что куда-то летит. «Пиз...ц!» – мелькнула мысль, и все исчезло...

1

Жизнь Антона резко изменилась в январе 1971 года. После ужина, в ходе которого он похвастался отцу и сестре полученными отметками – повышенная стипендия в кармане! – отец пригласил его к себе в комнату. Выглядел при этом Ильин-старший строго. «Это он с чего? – думал Антон, шагая вслед за отцом. – Все же нормально». Недоумение его разъяснилось скоро.

– Каким ты видишь свое будущее? – спросил отец после того, как они расположились в креслах.

Антон осторожно пожал плечами. Вопрос был странным. Какое будущее у студента третьего курса института иностранных языков? Ему еще учиться и учиться. Так и сказал.

– А конкретнее? – не отстал отец.

– Окончу институт, получу диплом, пойду работать.

– Куда?

– На распределении скажут.

– А куда распределят?

Антон задумался. О распределении в группе говорили не раз – все-таки третий курс. Мечтой многих было попасть на работу в МИД. Но такая перспектива выглядела призрачной: в министерстве иностранных дел Белоруссии работали десятка два человек. Про МИД СССР и мечтать нечего – в Москве свои институты имеются. Неплохо бы устроиться в «Интурист» или хотя бы в «Спутник»: они работают с иностранцами, поэтому переводчики нужны. Теоретически. Практически – не вщемиться. Желающих в разы больше, чем вакансий. Остается работа в издательствах, торгово-промышленной палате – там специалисты-переводчики востребованы, в худшем случае можно преподавать иностранный язык в школе. Последнее нежелательно, зато есть шанс остаться в Минске. Он отличник, уверенно движется к красному диплому. Таким на комиссии дают возможность выбрать место распределения.

Все это Антон и сообщил отцу. Тот удовлетворенно кивнул.

– А чего ты хотел бы сам?

– Поездить по миру, побывать в разных странах, – вздохнул Антон.

– Такая возможность есть, – сказал Ильин-старший. – Если пойдешь по моим стопам.

Антон на мгновение выпал в осадок. Ильин-старший был полковником запаса, и не какого-нибудь, а КГБ. О своей службе он рассказывал мало. Но Антон знал, что отец начал в знаменитом ИНО (иностранном отделе) НКВД. Много раз бывал за границей. Зачем туда ездил, догадаться не трудно – фильмы про советских разведчиков показывали в кинотеатрах. В Отечественную войну сотрудник «Смерша» Ильин ловил вражеских диверсантов, при этом был ранен. Антон видел на его теле отметины от пуль и осколков. У отца пять орденов и масса медалей. Так что своим «предком» Антон гордился. Но идти в КГБ? Репутация этого ведомства в советском обществе никакая. По мнению интеллигентных людей (а Антон считал себя таковым), порядочный человек в «контору глубокого бурения» не пойдет.

– Знаю, о чем думаешь, – сказал отец, – и что дружки твои говорят. Все эта падла лысая! – отец сжал кулаки. Хрущева он ненавидел люто. – Разоблачил «врагов», клещ кукурузный! Теперь нужных людей в Комитет не зазвать. Лезет всякая шваль. А нужны люди умные и образованные – такие, как ты.

Антон с удивлением посмотрел на отца. Тот усмехнулся.

– У тебя отменная память и блестящие способности. Ты свободно говоришь на двух языках. Учишь третий. К диплому освоишь и его. Это раз, – отец загнул палец. – Два – ты не рохля. Умеешь постоять за себя и дать сдачи.

Антон кивнул. Стойкости его научил отец. Когда маленький Антоша прибежал жаловаться на дворовых обидчиков, Ильин-старший спрашивал: «А ты дал сдачи? Нет? Вот, пойд

и дай!» И, не обращая внимания на возражения матери, выталкивал сына за порог. Приходилось возвращаться и выполнять приказ. Не раз Антону разбивали в кровь нос, вешали синяки, но его это не останавливало. Со временем дворовые хулиганы оставили его в покое. Приятно, когда тебя боятся. А если сразу дают сдачи? Ну его, малявку бешеную...

– И еще у тебя мой характер, – загнул третий палец отец. – Сидеть в издательстве или торговой палате ты не сможешь. С тоски умрешь. Поэтому КГБ для тебя – неплохой вариант. И за границей побываешь, и мир увидишь, и пользу Родине принесешь. Согласен?

Антон подумал и покачал головой. К его удивлению, отец усмехнулся.

– Молодец, имеешь свое мнение! Но все равно завтра пойдешь в деканат и напишешь заявление о переводе на вечернее отделение. В связи с тяжелым материальным положением в семье.

Антон вздохнул. После смерти матери достаток семьи упал. Не сказать, чтобы сильно. У отца хорошая пенсия, сестре платят пособие в связи с утратой кормильца, и получать его она будет до окончания института. У Антона – стипендия. В сумме на троих набирается двести восемьдесят рублей. Не мало. Другие и на меньшие деньги живут. Но если отец считает иначе...

– Ты неправильно понял, – покачал головой Ильин-старший. – Денег хватает. Но для того, чтобы ездить по миру или работать с иностранцами, нужна биография. Абы кого не подпустят. Поэтому пойдешь на завод. В трудовой книжке появится запись «рабочий». У нас это ценится. Затем тебя призовут на военную службу...

Антон похолодел. В институте он занимался на военной кафедре и рассчитывал, как и другие студенты, по получении диплома пройти двухмесячные курсы и стать офицером запаса. Военным переводчиком. А тут на два года! Рядовым солдатом!

– Служить будешь в пограничных войсках, – сказал отец, не заметив волнения сына. – Насчет этого я постараюсь. Пограничники относятся к КГБ СССР – это второй плюс в твою биографию. Третий добудешь сам. Служи так, чтобы на дембель уйти кандидатом в члены КПСС. Если сумеешь, считай: дело в шляпе. По возвращении восстановишься на дневное отделение. Вступишь в партию, проявишь себя на общественной работе. И мир для тебя открыт.

Ильин-старший улыбнулся. «Не хочу!» – хотел крикнуть Антон, но промолчал. И в ответ на вопрошающий взгляд отца обреченно кивнул.

Уйдя на вечернее отделение, Антон устроился учеником слесаря на завод. Наставника ему определили из бывших фронтовиков. Тот сунул студенту железяку, протянул напильник и указал на тиски.

– Пили! Нам опилки нужны.

Антон «пилил» три дня. На четвертый наставник осмотрел почти сточенную железку, вытащил ее из тисков и зашвырнул в урну.

– Молодец! – сказал, улыбувшись. – Терпение есть. Без него хорошим лекальщиком не станешь. Буду учить.

И научил. Через три месяца Антон получил второй разряд слесаря и первую полноценную получку – 78 рублей. Но порадоваться этому не успел – пришла повестка из военкомата. Как и обещал отец, призвали его в пограничные войска. Поезд привез новобранцев в молдавский город Унгены. Там Антона мигом выделили из общей группы. Студент иныза, высокий, приятной наружности – идеальный кандидат в школу контролеров. Тех, которые первыми встречают прибывающих в СССР иностранцев. В школе курсантов знакомили с образцами заграничных паспортов, учили распознавать подделки, сличать фотографии в документах с оригиналами, определять нервничающих и странно ведущих себя туристов на предмет их дальнейшей, более глубокой проверки. Отучившись шесть месяцев, Антон получил распределение на автомобильный пункт пропуска Леушены.

Служить было трудно. В летний сезон поток транспорта вырастал в разы. Автобусы, легковые авто, грузовики ехали днем и ночью. На сон оставалось не более пяти-шести часов в

сутки. Но Антон не роптал. Тяжело, но интересно. Иностранцы, туристы из всех уголков огромного СССР, люди, лица, разноязыкая речь... Антон совершенствовал свою разговорную практику, между делом выучил молдавский язык, добавив его к английскому, немецкому и французскому. Это принесло ему уважение со стороны персонала пограничного КПП. Молдаванам нравилось, что студент из Белоруссии разговаривает с ними на родном языке. Довольно было и начальство. Службу Антон тянул добросовестно. Стал отличником боевой и политической подготовки, вскрыл несколько попыток пересечь границу по поддельным документам. Комсомольцы КПП избрали его своим комсоргом – без всякого давления со стороны начальства. Грудь старшего контролера украсили знаки «Отличник погранвойск» I и II степеней. Его имя занесли в Книгу Почета погранотряда, фотография появилась на Доске Почета округа. Неудивительно, что желание Антона вступить в партию встретило горячий отклик со стороны старших товарищей. Кандидатом в члены КПСС его приняли единогласно. План отца выполнялся, и Антон с нетерпением ждал дембеля. Родных он не видел давно – отпуска пограничникам практически не давали.

Все было готово. В каптерке ждала своего часа отглаженная «парадка» с погонами старшины – звание Антон получил в марте. В заезжей лавке военторга куплена новая зеленая фуражка. Перецепить знаки с повседневной формы на парадную – пара минут. Дырочки уже проколоты. Осталось переодеться, попрощаться с друзьями – и в Кишинев. Отличник боевой и политической подготовки, кавалер двух знаков «Отличник погранвойск» Антон Ильин уйдет на дембель в первой партии. Пограничников в запас отправляют поздно, когда «дембеля» из других войск успевают отгулять возвращение. На Антона это не распространяется. Для него будет торжественное построение на плацу, прощание со Знаменем части, оркестр... «И под музыку «Славянки» прямо с плаца на гражданку – демобилизация...»

И тут черт принес этих дезертиров.

Заставу и КПП подняли «в ружье» затемно. Полусонные пограничники выстроились во дворе. Перед ними топтались офицеры. Даже в предрассветных сумерках было видно, что лица у них хмурые. Вперед вышел командир заставы капитан Псарь.

– Этой ночью в одной из воинских частей в Кишиневе дезертировали двое солдат, – объявил он. – Перед этим они убили часового, открыли склад и завладели оружием и боеприпасами. Погрузили их в автомобиль УАЗ и скрылись в неизвестном направлении. Идут поиски. Есть основания полагать, что дезертиры попытаются прорваться через государственную границу. Поставлена задача эту попытку пресечь. В связи с чем объявлена усиленная охрана границы. Обращаю внимание: преступники вооружены и очень опасны. Они убили часового – терять им нечего. Командованием отряда отдан приказ: в случае вооруженного сопротивления преступников открывать огонь на поражение. Это ясно?

Капитан обвел строй взглядом. Пограничники молчали, охреневая. Правила несения пограничной службы предусматривают открытие огня в случае вооруженного сопротивления нарушителей. Но сами командиры настойчиво советовали этого избегать, в крайнем случае – стрелять в воздух или по ногам. Это западная граница СССР, с сопредельной стороны располагается дружественное социалистическое государство. Нарушителя, буде тому посчастливится миновать кордон, задержат и вернут в Советский Союз. Здесь выяснят, почему он решил изменить Родине, и кто его этому научил. А с мертвого – какой спрос?

– Приказываю заступить на охрану государственной границы! – Псарь вскинул ладонь к козырьку фуражки. – Виды нарядов...

Антон с приданным в помощь пограничником высадили на тыловой дороге. Вид наряда – заслон. Задача: отслеживать движение транспорта и людей, проверять документы на право нахождения в пограничной зоне, в случае появления дезертиров принять меры к их задержанию. Последнее, как понял Антону, будет вряд ли. Заслон высадили на проселочной дороге. Ездят тут только местные, да и то не часто. До линии границы далеко. В противном

случае в наряд поставили бы опытных «дедов» с заставы. А так пристегнули к контролеру КПП молодого пограничника, закрыв строчку в боевом расчете. Торчать им здесь, пока не сменят. В случае усиленной охраны границы продолжительность пребывания в наряде может составить восемь часов. Хорошо, хоть сухой паек выдали, и вода во фляге есть.

Антон покосился на напарника. Молодых солдат с заставы он знал плохо – не успел толком познакомиться. Прибыли они в феврале, а сейчас апрель. Да и служба не дает возможности пересекаться. У заставы свои обязанности, у КПП – свои. Но всем каждый день – на ремень. В смысле – с автоматом на плече. Правда, контролеры их не носят, дабы не пугать иностранцев. Восемь часов службы в сутки – это по правилам. Только кто их соблюдает, особенно на КПП летом? Приходишь после службы, умылся, поел – и спать. В свободную минуту надо постирать и отгладить форму, подшить свежий подворотничок, почистить сапоги... Где время на разговоры брать?

Напарник Антона выглядел жалко. Худой, тонкая шея торчит из явно большого ему воротника кителя, в голенища кирзовых сапог еще две таких ноги всунуть можно. Не то, что у Антона. Форма подогнана по фигуре, хромовые сапоги плотно обтягивают икры. Откуда у пограничника срочной службы хромовые сапоги? Так он первым встречает иностранцев на советской земле. Поэтому обмундирование у контролеров офицерское, полушерстяное, а сапоги хромовые. Есть у них и солдатское «хабэ» с кирзачами, только они в каптерке. Антон, вскакивая по тревоге, натянул, что лежало на тумбочке. Переодеться возможности не дали. Зато укомплектовали, как на войну. В подсумке на ремне два магазина с боевыми патронами, по 25 в каждом. Почему 25, а не 30? Чтобы подающая пружина не ослабевала. С левой стороны на ремне – штык-нож в ножнах, на правом бедре – малая саперная лопатка в чехле. Нахрен, спрашивается, им лопаты? Где тут окопы рыть? Но прапорщик буркнул: «Положено!», и пришлось нацепить. Зато сухпай в вещмешок накидал щедро. Из последнего следовало, что торчать им в наряде долго.

Антон поправил ремень автомата. Напарник повторил жест. Ствол его АКМ виднелся над погоном. А вот у Антона – автомат со складным прикладом, поэтому висит стволом вниз.

– Как звать? – спросил Антон.

– Володя, – ответил солдат и шмыгнул носом. – Богомоллов.

«Дите!» – подумал Антон. Его возраст позволял подобное отношение. 22 года – это вам не хухры-мухры. Самый старший из срочников на заставе и КПП. Пацану, наверное, лет 18...

– Не будем стоять столбами, Володя! Пройдем, осмотримся. Нам тут долго куковать.

– Есть, товарищ старшина! – пограничник принял стойку «смирно».

– Вольно! – усмехнулся Антон. – Не тянись. Здесь тебе не плац, а мы не на строевой подготовке. Это наряд. Идем так. Я – по левой стороне дороги, ты – по правой. Смотрим внимательно каждый в свою сторону, ищем следы машины. Понятно?

Богомоллов закивал. Антон вздохнул и зашагал по грунтовке. Позади бухал сапогами Богомоллов. На самом деле Антон не собирался ничего искать. В задачу заслона это не входило. Но стоять на одном месте скучно. Почему бы не размяться?

Шагая, он поглядывал по сторонам. Ничего интересного. Виноградники, избегающие по склонам холмов, распаханые и засеянные поля, кусты, рощица в отдалении. Обычный молдавский пейзаж.

За поворотом на грунтовку выходила дорога. Отсыпанная гравием и накатанная. Наверняка ведет в деревню. Вернее, в село. В Молдавии они большие и многолюдные, но чужому человеку затеряться трудно. Все друг друга знают. Стоит там появиться незнакомцу, как последует звонок на заставу. Пограничная зона – народ здесь бдительный.

Они миновали перекресток, прошли еще с полкилометра. Антон собирался вернуться назад, как вдруг сзади окликнули:

– Товарищ старшина! Следы.

Антон оглянулся. Богомоллов стоял у обочины, показывая на нее рукой. Антон подошел. С грунтовок сворачивал автомобиль. Колея бежала по небольшому лужку и терялась в недалеких развалинах. Старый коровник или заброшенный дом. Даже удивительно видеть его здесь. Молдаване – люди трудолюбивые, земли у них ухоженные. Почему не восстановили или не разобрали на стройматериалы? Странно.

Антон присмотрелся к колее. Следопытом он не был, но в отпечатках протекторов разбирался. У отца имелся «москвич», который они ремонтировали в гараже, заодно общаясь с другими автомобилистами. Здесь проехал не «москвич» и не грузовик. А вот на УАЗ очень похоже. Дезертиры? Антон осмотрелся по сторонам.

– Возвращаемся! – приказал Богомоллову.

Тот глянул недоуменно, но возражать не стал. Они прошагали обратно с сотню метров. У подступивших к дороге кустов Антон снял с плеча АКМС, откинул приклад. Извлек из под сумки магазин и присоединил его к оружию. Затем сдвинул вниз рычаг предохранителя и перевернул затвор.

– Делай, как я! – велел Богомоллову.

Тот, путаясь в застежках под сумки, достал магазин и дрожащими руками повторил действия старшего наряда.

– На предохранитель поставь! – велел Антон. Не хватало еще, чтобы «салабон» со страху пальнул ему в спину.

Солдат подчинился.

– Сейчас, прячься за кустами, пройдем к развалинам, – пояснил Антон. – Держись за моей спиной. Если начнут стрелять – падай на землю. Ответный огонь по моей команде.

– Они там? – сиплым голосом спросил Богомоллов.

– Не знаю, – пожал плечами Антон. – Может, и нет. Но проверить надо.

Антон не верил, что в развалинах дезертиры. Что им тут делать? До границы километров пять – да и то, если идти по прямой. Место достаточно открытое, трудно спрятаться. Не дураки же они. Внаглую съехать с дороги, оставив след... Наверняка кто-то из местных. Но прокрасться к развалинам – это ведь интересно! Куда лучше, чем тащиться по пустынной дороге. Несмотря на свои 22 года, в душе Антон оставался мальчиком, которому нравится играть в войну.

Таясь за кустами, они двинулись к развалинам. Заросли подходили к ним практически вплотную. Миновав их, Антон понял, что насчет коровника он ошибся. Некогда здесь стояло поместье, обнесенное оградой из кирпича. Сейчас та местами обвалилась, поросла кустами и молодыми деревцами. За оградой виднелись стены дома с осыпавшейся штукатуркой, но с уцелевшими фронтонами. Крыша или рухнула, или же ее разобрали.

Антон забросил автомат на плечо и полез в пролом. За стеной оказался заросший травой двор. На ней отчетливо виднелась автомобильная колея, бежавшая от широкого проема в стене, где раньше стояли ворота. Колея убегала за дом. Антон повел взглядом и увидел выглядывавший из-за угла капот машины. УАЗ, защитного цвета. С военными номерами...

От неожиданности Антон застыл столбом. В себя его привело сопение за спиной. Богомоллов.

– Ложись! – зловещим шепотом приказал Антон. Они упали в траву.

– К бою!

Щелчок предохранителя. Два ствола направлены в сторону автомобиля. И ничего в ответ. Некоторое время пограничники лежали, напряженно прислушиваясь. Было тихо. Не слышалось шагов, лязга оружия, команд или разговоров. Спустя несколько минут Антон понял, что других людей, кроме них, здесь нет.

– Прикрой меня! – приказал Богомоллову и вскочил. Пригибаясь и двигаясь зигзагами, он подскочил к УАЗу и глянул в салон через лобовое стекло. Пусто. В смысле, людей нет.

Держа автомат наизготовку, Антон обошел автомобиль, затем заглянул в проем в стене. Там, где некогда были полы, виднелись поросшие травой и кустарником ямы. Судя по уходившим вниз кирпичным стенам – бывший подвал. На одной из таких стен Антон увидел большой каменный круг с какими-то фигурами или знаками. Герб владельца, наверное.

Воротившись во двор, он осмотрелся. Следы, оставленные сапогами в высокой траве, исчезали за оградой. Антон заглянул в проем. Следы пересекали вспаханное поле и терялись за ним.

Антон поставил автомат на предохранитель, закинул его на плечо и вернулся к автомобилю. Возле него обнаружился Богомол, заглядывавший внутрь. «Вот ведь пацан! – зло подумал Антон. – Велел же прикрывать!».

Заметив его, Богомол отпрыгнул от автомобиля и вытянулся.

– Товарищ старшина!

– Не дергайся! – махнул рукой Антон. – Ушли они. К границе.

– А это точно они?

– Сейчас узнаем.

Антон потянул на себя заднюю дверь автомобиля. Она легко поддавалась – в дверях армейских «УАЗов» нет замков. В следующий миг Антон присвистнул. Багажник УАЗа был заставлен покрашенными в защитный цвет ящиками. Антон потянул вверх защелки ближнего и откинул крышку. Ох, не фигу себе! Ручные пулеметы Калашникова, две штуки. Новые, в смазке. Тут же набросаны коробчатые магазины. Похоже, что груз комплектовали в спешке. Антон закрыл большой ящик и откинул крышку соседнего, меньшего по размеру. Гранаты РГ-42, запалы вкручены. Несколько штук не хватает. «Они что, на войну собрались?» – мысленно охнул Антон.

За его спиной сдавленно вскрикнули. Антон оглянулся – Богомол.

– Слушай меня! – сказал Ильин. – Сейчас берешь ноги в руки и чешешь в село. Видел гравийку?

Богомол кивнул.

– Она ведет к селу. Там найдешь сельсовет и позвонишь на заставу. Сообщи, что мы нашли. Скажешь, что дезертиры ушли к границе. Пусть высылают наряды на перехват. Ясно?

– А вы, товарищ старшина?

– Покараую тут. Вдруг вернуться?

– Их же двое, с оружием. А вы один.

«Хороший парень!» – подумал Антон. – Не трус».

– Справлюсь. Да и вряд ли они вернуться. Рассвело – побоятся. Беги!

Богомол кивнул и ломанулся к пролому, через который они вошли. «В ворота беги!» – хотел крикнуть Антон, но не успел. Богомол скрылся из глаз. Антон пожал плечами и вернулся к УАЗу. Открывать другие ящики не стал: кому нужно – разберутся. Закрыл заднюю дверь и заглянул в салон. Ключ торчал в замке зажигания. Антон вытащил его и сунул в карман бриджей. Если что, выбросить успеет. Не уйдут.

Он вернулся к пролому, через который ушли дезертиры. Присел на обломок стены и глянул на циферблат часов. Восемь двадцать две. До села километра два. Богомол будет там минут через пятнадцать-двадцать. Пока найдет сельсовет, пока позвонит... До заставы отсюда километров десять, ГАЗ-66 ехать минут пятнадцать. Если, конечно, машина окажется под рукой. В любом случае, самое позднее в десять часов здесь будет наряд. Не так много ждать. Вот и хорошо.

Антон погрузился в мечты. За то, что проявил инициативу и обнаружил угнанный дезертирами автомобиль с оружием, его обязательно наградят. Медалью «За отличие в охране государственной границы СССР» – это как пить дать. И Богомолова не забудут. Медаль до дембеля вручить не успеют, но это к лучшему. Антон вернется в институт, там по этому случаю соберут

преподавателей и студентов. Награды в СССР принято вручать в торжественной обстановке. Под восхищенными взглядами студенток Антон выйдет на сцену... Он даже зажмурился от предвкушения.

...Черные фигурки Антон заметил боковым зрением. Он насторожился и развернулся к пролomu. Дезертиры возвращались. Они шли к развалинам, настороженно сжимая автоматы в руках.

«Сходили к С-100¹ на разведку и решили прорываться ночью, – догадался Антон. – Идиоты. На что надеются? Наследили же вокруг. Здесь уже к обеду будет не протолкнуться. Что делать?»

В голове мелькнула мысль последовать за Богомоловым. Дезертирам в любом случае не уйти. Но Антон вспомнил об арсенале в автомобиле. Дезертиры вооружатся и дадут бой – терять им нечего. Погибнут отличные парни. И все из-за его трусости...

Антон снял с плеча автомат и отщелкнул предохранитель. Он даст бой. У него выгодная позиция и преимущество внезапности. Справится.

Тем временем дезертиры приблизились метров на пятьдесят. Антон отчетливо видел их лица – потные и усталые. На вид обычные парни. И что заставило их убить товарища? Антон вскинул автомат к плечу.

– Стоять! Руки вверх! Бросай оружие!

Дезертиры рухнули на землю. Спустя мгновение пули ударили в ограду, запорошив проем красной пылью.

«Ах, так! – подумал Антон. – Ну, гады!

Он прицелился. Стрелял Антон отлично, а с такого расстояния – и говорить нечего. Противники его пока не видели – лупили наугад длинными очередями. Антон затаил дыхание и потянул спусковой крючок. АКМС коротко вздрогнул. Одиночный выстрел. Готовясь к бою, Антон нажал на переводчик огня слишком сильно, зафиксировав его в крайнем нижнем положении. Но левому дезертиру этого хватило. Он выронил автомат и сунулся лицом в землю. Второй прекратил стрелять.

– А ну бросил оружие! – крикнул Антон. – А то и тебе пиз...ц.

– Не стреляй!

Дезертир отбросил автомат и встал.

– Руки вверх и шагай сюда!

Дезертир подчинился. Опустив голову, он понуро затопал к развалинам. Антон следил за ним сквозь прорезь прицела. Не дойдя до ограды шагов двадцать, дезертир внезапно запнулся и упал. Затем завозился, вставая.

«Чмо неуклюжее! – подумал Антон. – И он еще собирался перейти границу! Там забор из колючей проволоки, МЗП² на опасных направлениях, да и Прут переплыть надо».

Дезертир, наконец, встал и вдруг отвел руку назад. Взмах – в воздух взлетела граната. Антон инстинктивно нажал на спуск. Дезертир упал, а Антон метнулся к машине. Кстати, совершенно зря. Мелькнув над оградой, граната скользнула в проем дома и упала в подвал. Там она подкатилась к стене, на которой Антон усмотрел странный знак, и взорвалась. Осколки ушли вверх и в стены. Пограничника во дворе они бы не зацепили. Зато произошло другое.

Антон не знал, что развалины, куда они забрели с Богомоловым, пользовались у местных дурной славой. Ходить сюда они избегали – смельчаки из развалин не возвращались. Скажи это

¹ С-100 «Скала» – инженерно-техническое ограждение с контактной электрической сигнализацией, принятое на вооружение пограничными войсками СССР в 1955 году. Представляло собой забор из колючей проволоки. Стоило двум проволочкам сомкнуться, как на пульт оператора поступал сигнал с указанием участка, где произошло замыкание. После чего туда выезжал тревожный наряд. Этот забор стал символом неприступности границы СССР.

² МЗП – малозаметное препятствие. Представляет собой сеть из тонкой, но прочной проволоки, спрятанной в траве. В случае попадания в нее ногами выбраться весьма непросто.

кто Антону, он бы посмеялся. Советские люди не верят в сказки. А зря. Суеверия не возникают на пустом месте...

Интерполяция первая

– Наставник!

Встревоженное лицо практикантки возникло на голоэкрane.

– Чего тебе, Ел? – буркнул Гнур.

– Пробой в секторе 14.

– Уверена? – насторожился Смотрящий.

– Да, наставник!

– Сбрось запись.

– Слушаюсь!

Лицо Ел на голоэкрane сменили строчки из цифр и букв. Некоторое время Смотрящий скользил по ним взглядом, механически выделяя ключевые параметры. Закончив, мысленно выругался. И надо же было такому случиться! Сектор 14, самый заброшенный в галактике – потому и определили наблюдать за ним практикантку – вдруг выкинул фокус. И что делать? Гнур подумал и сделал движение пальцами. На голоэкрane возникло лицо Ел.

– Зайди!

– Слушаюсь, наставник!

Спустя пару минут практикантка возникла в кабинете начальника.

– Садись! – Гнур кивнул на кресло. Ел подчинилась.

– Что будем делать? – Гнур придал голосу тон мудрого учителя.

– Доложить по инстанции! – отрапортовала Ел. – В соответствии с пунктом 2.6 инструкции.

– Знаешь, – одобрил Гнур. – А теперь подумай. Что сделают на Мериде, получив наше сообщение?

– Снарядят экспедицию для устранения нарушения.

– То есть потратят миллионы кредитов с целью вернуть аборигена с Сигмы-2 на планету А-Зет? Других проблем у империи нет?

– Но ведь это нарушение Равновесия! – не согласилась практикантка. – Обитатель планеты с уровнем развития «икс-восемь» переместился в мир с «икс-три».

– И что? – в голосе Гнура звучал сарказм.

– Как обладатель знаний, на пять ступеней превосходящих существующие на Сигме-2, он внесет разлад в развитие цивилизации этой планеты.

– Уверена?

– Да, наставник!

– Кто преподавал вам историю Галактики?

– Достопочтенный Крил.

– Знаю, – кивнул Гнур. – Романтик и сказочник.

Ел насупилась. Гнур сделал вид, что не заметил.

– Он рассказывал вам об экспериментах, которые проводились в этом направлении?

– Нет, – удивилась Ел.

– Разумеется, – хмыкнул Гнур. – Кому приятно приводить факты, противоречащие излагаемой теории? А это было. Примерно сто циклов тому назад, когда не только тебя, но и твоих родителей в проекте не было (лицо Ел приобрело бурый оттенок), наши научные головы сумели пробить в правительстве финансирование эксперимента по ускоренному развитию отстающих цивилизаций. Уверяли, что таким путем мы сможем поднять их уровень хотя бы для восприятия основ существующего миропорядка и наших технологий в основных сферах. Скептиков, утверждавших, что это невозможно, что каждая цивилизация должна пройти свой путь самостоятельно, слушать не стали. Схема эксперимента была проста. Обитателей планеты с более

высоким уровнем развития перемещали на более отсталую. При этом разрыв в достижениях цивилизаций не должен был превышать четыре ступени. Считалось, что этого достаточно для комфортного вживания представителей более развитого общества в среде, стоящей на более низком уровне. Научные головы нашли подходящие миры-доноры и миры-реципиенты. Среди первых была А-Зет, вторых – Сигма-2. В ту пору разрыв в технологиях у них не превышал трех ступеней. Помнишь третий Закон развития общества?

– Чем выше уровень развития технологий, тем скорее цивилизация проходит последующий этап, – процитировала практикантка.

– Вот-вот! – кивнул Гнур. – За сто циклов А-Зет поднялась на две ступени, а вот Сигма-2 осталась на третьей. А теперь представь: тебя высадили на планете, где общество пребывает, скажем, на четвертой стадии. Что из наших технологий ты сможешь внедрить? В мире, где основным источником энергии является мускульная сила людей и животных? Где едва научились обрабатывать металлы?

– Ничего, – согласилась Ел. – Но у нас с этим миром разрыв в десять ступеней. А вот если четыре...

– В мире «икс-девять» из тебя первым делом вытянули бы военные технологии. После чего государство, овладевшее ими, развязало бы бойню, которая отбросила бы общество на несколько ступеней назад. Пятый Закон развития: уровень технологий должен соответствовать нравственному развитию общества. Преобладание первого над вторым ведет к катастрофе.

Гнур умолк. Ел поерзала в кресле и не удержалась:

– Чем кончился эксперимент?

– Провалом, – пожал плечами наставник. – Обитатели планет с более высоким уровнем развития ничего не смогли. На отсталых не восприняли их знания и умения. Для этого необходимо находиться на соответствующей ступени развития.

– Четвертый Закон, – вздохнула практикантка.

– Именно! – поднял палец Гнур. – Он как раз и возник после провала эксперимента. После чего работы по нему свернули, результаты положили в архив. Обстоятельства забылись, из-за чего вновь стали возникать приверженцы ускоренного развития цивилизаций вроде достопочтенного Крила. Только все это – болтовня. Никто более не выделит и кредита на подобные эксперименты.

– Но как обитатель планеты А-Зет переместился на Сигму-2?

– Законсервированный портал, – хмыкнул Гнур. – Они остались на планете. Демонтаж и перевозка вылились бы в круглую сумму. И без того пустили на ветер миллионы кредитов. Проще было списать.

– Абориген смог активировать портал?

– Ты невнимательно изучила параметры, – Гнур сделал движение пальцами. На голоэкране возникли строки. Гнур указал на одну из них.

– Аварийное срабатывание?

– Правильно. В случае возникновения обстоятельств, угрожающих жизни находящихся в зоне действия портала разумных, программа дает команду на их экстренное перемещение по последнему маршруту, после чего портал самоликвидируется, дабы исключить преследование эвакуируемых враждебно настроенными объектами. Перед этим, естественно, послал соответствующий сигнал.

– Военные действия?

– Да.

– А это? – Ел указала на другую строчку. – Отчего масса объекта такая большая? Причем другой параметр свидетельствует, что абориген был один.

– Скорее всего, он укрылся в одном из имеющихся в мире А-Зет средств передвижения, поэтому и переместился вместе с ним. Масса соответствует. Портал не мог извлечь его оттуда.

– Такое тяжелое?

– В мирах «икс-восемь» средства передвижения изготавливают из металлов. Применение композитов – это уже уровень «икс-девять».

Ел вновь побурела. Наставник уличил ее в незнании элементарных вещей.

– Как мне поступить? – спросила она мгновение спустя.

– Внеси данные о происшествии в журнал и сделай заключение. Я наложу резолюцию: «Принято к сведению».

– И все?

– Да.

– А как быть с перемещенным аборигеном?

– Никак. Если ему повезет, он освоится в новом мире. Если нет... – Гнур развел руками.

– Жалко! – сказала Ел.

– В мире уровня «икс-восемь» ежедневно гибнут в войнах тысячи аборигенов. Такова особенность их цивилизации. Помочь нельзя – во избежание нарушения Равновесия. Они сами должны понять: война не устраняет противоречия, возникающие в ходе развития общества.

– Жестоко, – вздохнула Ел.

– Да, – кивнул Гнур, – но необходимо. Нам понадобились три всепланетных войны и одна галактическая, чтобы прийти к этому выводу. Зато теперь любой призыв к войне, если это не связано с вторжением врага из-за пределов галактики, обернется для его инициатора пожизненной каторгой на астероидах. Будь он даже император.

Ел кивнула. Этот Закон им довели уже в первом классе. Но несчастного аборигена все равно жалко.

2

Очнулся Антон от удара. УАЗ с размаху рухнул на четыре колеса, отчего его внутренности жалобно заскрипели, а содержимое салона подпрыгнуло и опустилось обратно. В числе содержимого оказался и Антон. Но если советская техника, собранная для нужд армии, удар благополучно перенесла, то человеку пришлось хуже. Его ведь произвели не на оборонном заводе. Антон приложился лбом об руль, коленом – в рычаг переключения передач, вдобавок саперная лопатка впиалась ему в ягодицу. Боль в трех местах тела и привела его в себя.

«Жив!» – пришло осознание. Антон потер лоб, затем – колено, а вот ягодицу чесать не стал. Просто поерзал, высвобождая ушибленное место от жесткого металла. После чего нашарил ручку двери и вывалился из салона.

Некоторое время он стоял, разглядывая УАЗ. Автомобиль не пострадал. Он красовался на всех четырех колесах, как будто говоря: «А что мне делается? Я ведь военная машина. Можно сказать, «пиративная». Антон, не поверив, обошел автомобиль. Ни на стальном кузове, ни на брезентовом верхе не было ни единой отметины от осколков. Антон опустился на колени и заглянул под днище – благо, высокий клиренс УАЗа это позволял. Следов от осколков и здесь не наблюдалось. «Странно, – подумал Антон, вставая, – если граната не взорвалась под УАЗом, тогда с чего нас так подбросило?».

Ответа на этот вопрос не было, поэтому Антон встал и огляделся по сторонам. И вот тут ему стало плохо. Ни старого дома, ни окружавшей его ограды не было. УАЗ, а вместе с ним и Антон, находились посреди небольшой овальной поляны. Вокруг высился лес – густой и могучий. Стволы приступавших к поляне сосен отливали медью и даже на скорый взгляд были размером в обхват человеческих рук. Или больше.

Антон на заплетающихся ногах проковылял к открытой дверце автомобиля и опустился на водительское сиденье боком к лобовому стеклу. Некоторое время сидел, собираясь с мыслями. В то, что его перенесло вместе с автомобилем, он понял сразу. Но куда? В Молдавии нет таких дремучих лесов. Их даже в Белоруссии еще поискать надо. Где же он? И почему тут оказался?

Ответов на эти вопросы не было. Будь Антон человеком из нашего времени, сообразил бы сразу. Но он не читал книги про попаданцев. В Советском Союзе такого жанра не существовало, как и самого этого слова. В бога Антон как комсомолец и кандидат в члены партии не верил. Предположить, что он оказался на том свете, не позволяли убеждения. Хотя на всякий случай Антон ущипнул себя за мочку уха, и та отозвалась болью. Значит, жив.

Последняя мысль вернула Антону хорошее настроение. Как любой молодой человек, он не привык долго раздумывать о сложных категориях. Он уцелел после взрыва гранаты? Замечательно! Его забросило в непонятное место? Ученые разберутся, как это произошло. Советская наука – самая передовая в мире. Возможно, об этом случае напишут в газетах, и Антон прославится. Станет знаменитым, как космонавт. Остается только выбраться к людям и сообщить командованию о происшествии.

Приняв такое решение, Антон начал действовать. Первым делом снял с плеча АКМС и положил его на сиденье. Не забыв, естественно, поставить оружие на предохранитель. Затем стащил вещевой мешок, из которого извлек сухпай. Есть хотелось немилосердно. Вскрыв штык-ножом банку с гречневой кашей, Антон опустошил ее, орудуя все тем же ножом. Зажевал это куском хлеба и запил водой из фляги. Другой бы после этого закурил, но Антон не имел такой привычки. Родители внушили ему отвращение к табаку. Особенно мать-врач...

Сложив остатки провизии в мешок и затянув горловину, Антон уложил его на сиденье и отправился ревизовать доставшееся ему имущество. А его хватало. Помимо багажника, ящики обнаружили и в салоне машины. Вытащив их наружу, Антон расставил трофеи на траве и,

откинув крышки, занялся подсчетами. Спустя полчаса, ошалев от увиденного, он сидел на одном из ящичков, пытаясь понять, что делать дальше.

Подумать было над чем. В багажнике оказались:

1. Ручные пулеметы Калашникова калибра 7,62 мм – 2 штуки.
2. Автоматы Калашникова модернизированные с деревянными прикладами того же калибра – 2 штуки.
3. Снайперская винтовка Драгунова с оптическим прицелом – 1 штука.
4. Пистолет Стечкина в деревянной кобуре-прикладе в комплекте с четырьмя магазинами каждый – 2 штуки.
5. Ящичков с патронами разного вида и калибра по два цинка в каждом – 8 штук. Из них с патронами к автоматам и пулеметам – 6, для снайперской винтовки и пистолетов по одному.
6. Ящик с гранатами РГ-42 с вкрученными запалами (четыре штук не хватает) – один.
7. Магазинов к автоматам и пулеметам вместимостью 30 и 40 патронов соответственно – два десятка. Магазины свалены в ящички и не снаряжены.

«Охренеть!» – так оценил результаты проведенной ревизии Антон. Если быть честным, то слово он употребил более грубое, относящееся к обсценной лексике. Несмотря на незаконченное высшее образование, Антон употреблял ее наряду с другими представителями славных пограничных войск. Увы, но армия не является местом, где людей учат изящной словесности. В оправдание следует сказать, что подобное характерно для всех армий мира.

Что делать со свалившимся на него арсеналом, Антон не представлял. Хотя на его месте наш современник станцевал бы джигу или, как минимум, гопака. Потому что на Антона свалился «рояль». Или «орган». Но в представлении Антона рояль и орган были музыкальными инструментами и ничем более. Поэтому он не стал хлопать в ладоши и сминать траву каблучками сапог. Просто сложил ящички обратно в автомобиль. Но не сразу. Найденной в багажнике монтировкой из инструментального набора сорвал упаковочную ленту с двух ящичков с патронами. Затем специальным ножом, который нашелся под крышкой, вскрыл цинки. Достал картонные пачки. Снарядил патронами два магазина к автомату и забросил их в свой подсумок. То же проделал и с магазинами к пистолету, после чего один вставил в рукоять АПС, а второй сунул в карман. Спрятав пистолет в кобуру, он перебрал ремешок через плечо. Затем прицепил к ремню брезентовый подсумок для гранат, который нашелся в одном из ящичков, и поместил в него две РГ-42. Теперь он готов.

Зачем Антон все это проделал, он не смог бы объяснить даже себе. Врагов поблизости не наблюдалось, и вступать с ними в бой нужды не было. Но вы помните, что наш герой в душе мальчик? А те любят оружие. И неважно, сколько им лет – 22 или 60. Мальчишество – не возраст, а состояние души.

Вооружившись, Антон захлопнул дверцы УАЗа. Оставлять автомобиль с оружием было, конечно, опасно, но и сидеть возле него неправильно. Хорошо бы поехать, тем более что водить машину Антон умел. Но окружавший поляну лес не давал такой возможности. Следовало разведать пути, обнаружить людей и привести помощь.

С одной стороны поляны лес выглядел реже, и Антон двинулся в этом направлении. Идти было легко. Усталая иголкой земля мягко пружинила под подошвами. Ни бурелом, ни упавшие сучья не попадались под ноги, из чего следовал вывод, что за лесом следят. Следовательно, люди неподалеку. От этой мысли Антон пришел в хорошее настроение. Тем более, что стоял ясный день, пахло хвоей и разогретой смолой, а в кронах деревьев верещали птицы. Или пели. Антон в этом слабо разбирался, поскольку человеком был городским.

Направление он взял верное, потому что лес вскоре расступился и выпустил пограничника на обширный луг, вернее – огромную поляну. Трава здесь была скошена, высушена и сложена в стожки. Люди неподалеку явно жили. Это добавило Антону оптимизма. Пройдя

опушкой, он наткнулся на тропинку и пошел ею, пересекая луг. Но, приблизившись к кромке леса, замер.

На тропинке, преграждая дорогу, стоял волк. Серый, со светлыми ногами и грудью и темной, почти черной полосой шерсти вдоль хребта. Зверь стоял и, не мигая, смотрел на человека.

Антон сдвинул фуражку на затылок и вытер вспотевший лоб. Он не боялся волков. Его отец-охотник не раз брал сына-подростка «в поле». Там Антон наслушался рассказов у костра. Волки редко нападают на человека, да и случается это обычно зимой. В теплое время года звери избегают людей. Но этот чего-то хотел. Спрашивается, чего? Антон вдруг вспомнил мультфильм про Маугли, который показывали по телевизору.

– Здравствуй, Серый Брат! – сказал он волку. – Мы одной крови: я и ты.

Волк, к его удивлению, тряхнул головой, повернулся и затрусил по тропинке. Отбежав с десяток метров, повернулся и посмотрел на Антона.

– Мне идти за тобой? – догадался пограничник.

Волк снова тряхнул головой и затрусил дальше. Антон подумал и зашагал следом. Его разбирало любопытство. Следуя за волком, он углубился в лес, вышел на натопанную зверьем тропу, которая привела их на небольшую поляну. Внезапно его проводник встал. Впереди послышалось рычание. Причем рычал явно не Серый Брат. Антон подошел ближе. Возле веток, набросанных на тропе, стоял второй волк. Такой же масти, но чуть меньше его проводника. У ног зверя, оскалившись и вздыбив шерсть на холке, застыл щенок. «Волчица!» – догадался Антон.

Серый Брат рывкнул, волчица схватила детеныша за шкуру и отбежала в сторону. Волк посмотрел на Антона и направился к веткам. Встал возле них и посмотрел вниз. Из-под земли раздался скулеж. Антон подошел и сапогом отбросил ветки в сторону. Все ясно. Яма, ловчая, глубиной метра в полтора, была прикрыта ветками. Взрослые волки ее почуяли и обошли стороной, а вот волчата провалились. Двое. Сейчас они смотрели вверх и жалобно скулили.

– Вели им отойти к той стороне, – сказал Антон волку и указал, куда. Серый Брат что-то прорычал. Волчата отбежали к противоположной стороне ямы и прижались друг к другу. Антон стащил с плеча автомат и положил его обочь. Туда же отправилась и кобура с АПС. Затем он расстегнул ремешок чехла лопатки. Пригодилась.

Несмотря на свой привилегированный статус, рыть окопы Антон умел. Боевая подготовка одинакова для всех – будь ты рядовой пограничник или старшина-контролер. Поплевав на ладони, Антон сжал в руках черенок и вонзил штык в землю. Тяжелые комья земли посыпались вниз. Волчата встретили их рычанием.

Антон не думал, что поступает неправильно. Его учили, что волков нужно уничтожать. Охотники находили логова, вытаскивали из них волчат, которых убивали. Об этом даже снимали фильмы. Но сейчас Антон видел перед собой попавших в беду детенышей и их родителей. Им следовало помочь, чем он и занимался.

Земля на тропе оказалась мягкой, но пронизанной корнями деревьев. Антон рубил их боковой, остро заточенной кромкой штыка. Копая, он постепенно отступал, формируя пологий спуск к яме, по которому можно спуститься и забрать волчат.

С непривычки было тяжело. В последний раз он рыл окоп прошлым летом. Ладони горели. Махать лопатой – это не документы у туристов собирать. Не закончив работу, Антон отложил лопатку, шагнул в сторону и снял с пояса флягу. Не успел поднести ее к губам, как мимо метнулась серая тень.

Волчица, вскочив в яму, схватила за шкуру одного из волчат и по еще не готовому, по мнению Антона, спуску вынесла его на поверхность. Бросив щенка неподалеку, вернулась за вторым. Достав и этого, глухо прорычала и устремилась в лес. Трое волчат, смешно перебирая короткими лапками, устремились следом. Серый Брат остался. Антон глотнул из фляги, закрутил пробку и пристроил ее на поясе. После чего убрал лопатку в чехол.

– Ну? – спросил застывшего волка. – Доволен?

Серый Брат поднял верхнюю губу, обнажив кончики клыков. То ли улыбнулся, то ли угрожал. Подумав, Антон решил, что все же первое.

– Тогда услуга за услугу. Отведи меня к людям.

Волк, к его удивлению, тряхнул головой и затрусил по тропе. Антон подобрал автомат, кобуру с АПС и устремился следом. Двигались они споро. Время от времени волк оглядывался, будто укоряя человека за медлительность, и Антон надавал. Он не заметил, как лес кончился, и они оказались на просторном лугу с копнами сена, как две капли воды похожими на те, что Антон уже видел. Только здесь за копнами стояла деревня. Небольшая, в два десятка домов, которые облепили возвышенность. Было в них что-то неправильное, и Антон не сразу сообразил, что. Но потом понял. Дома стояли слишком близко друг к другу – это раз. На крышах не было шифера. Его заменяло нечто темное – то ли солома, то ли тростник. Это два. И три: холм с деревней опоясывал частокол. Даже с опушки были видны торчащие к небу заостренные концы бревен.

– Это куда ж меня занесло? – сказал Антон и почесал в затылке.

«Там двуногие, – раздался в голове голос. – Будь осторожен, брат! Они злые».

От неожиданности Антон икнул и посмотрел на волка. Тот стоял, глядя на человека в упор.

– Это ты, что ли? – спросил Антон, чувствуя себя дураком.

Волк вновь показал зубы, повернулся и порснул в лес. «Ни фиги себе у них тут дела! – подумал Антон. – Волки с людьми разговаривают». Подумав с минуту, он решил, что ему почудилось. Утомился. День выдался непростой. Сначала бой с дезертирами, затем его перенесло вместе с автомобилем неизвестно куда, а тут еще волк, понимающий речь человека. У любого крыша поедет. Правда, этого выражения Антон не знал, поэтому решил: «Галлюцинация. Вот приду в деревню, объясню людям ситуацию, свяжусь с командованием и отдохну. Хватит с меня на сегодня приключений!»

Он даже не представлял себе, насколько заблуждается...

Частокол Антон элементарно перелез. Обходить его и искать ворота было в лом. Тем более, что ограждение оказалось невысоким – Антону до бровей. Для чемпиона КПП и заставы по силовым выходам на турнике – семечки. Антон снял и повесил на один из колов автомат и АПС, затем ухватился за острия двух других, подтянулся и легко перебросил тело через ограду. После чего вооружился вновь.

С внутренней стороны частокола имелся вал, по которому бежала натоптанная тропинка. Антон двинулся ей, по пути разглядывая дома. Выглядели они непривычно. Пять-шесть венцов над землей (полуземлянки, что ли?), двускатные, низкие кровли, накрытые потемневшей соломой. Последнюю прижимали к стропилам жерди, привязанные (!) веревками. Стены, выходящие к частоколу, были глухими, но на других Антон рассмотрел маленькие окошки. Рам и стекол в них не наблюдалось. Это что за хрень? Где в Советском Союзе подобное сохранилось? Бабка Антона жила в глухой белорусской деревне, и он гостил у нее, будучи школьником. Там многое было из прошлого. Самодельный ткацкий станок – «кросны», прялки, светец под лучину, жернова для размола зерна. Летом жители деревни ходили в лаптях. Но не потому, что другой обуви не имелось: в лаптях было удобнее. Бабушка сплела их Антону, и он с удовольствием в них бегал. Но даже в той деревушке дома стояли высокие, крытые шифером или дранкой, а окна имели рамы со стеклами. А здесь что?

Тропинка вывела Антона на улицу – узкую и кривую. Пограничник двинулся ею, рассматривая дома. Стояли они тесно, но в каждом имелись дворы. Их ограждали невысокие плетни. С

улицы без труда просматривались входные двери, сделанные из жердей и обтянутые шкурами. Каменный век.

Деревня как вымерла. На улице и во дворах не было видно людей. Бродили куры, в сарайчиках кто-то похрюкивал, а в одном из дворов Антон заметил козу с козлятами. И это все. Куда подевались жители?

Внезапно от дома слева послышался крик. Кричала женщина – истошно, надрывно. Крик оборвался. Антон подошел ближе. Дверь дома распахнулась, из нее вылетела и упала на землю фигура в мешковатом платье. Это была женщина – судя по седым волосам, пожилая. Она завозилась, пытаясь встать. Следом из распахнутой двери вылетела вторая женщина. Эта, как успел разглядеть Антон, была молодой – считай, девочка. Она бросилась к старухе и, причитая: «Бапця! Бапця!», стала ее поднимать. Затем из дома один за другим выбрались двое мужчин. Антон замер. Это были не люди! У существ имелись ноги и руки, одежда, состоявшая из штанов и рубахи, какие-то чуни на ногах и кожаные шлемы на головах. Но сами головы... Представьте жабью морду на человеческом торсе. Добавьте клыки, торчащие из огромного рта. Плюс выпученные глаза и две дырочки вместо носа. А теперь подумайте, к какой из трех существующих на Земле рас можно такое отнести?

В руках жабьеголовые держали короткие копья с листовидными наконечниками. На поясах висели длинные тесаки в кожаных ножнах. Жабьеголовый, стоящий по левую руку от Антона, указал на старуху наконечником копья и, повернувшись к напарнику, что-то проклекотал, двинув ребром ладони у своей шеи. Или того, что под его мордой должно быть. В ответ напарник ослабился, открыв рот, полный мелких зубов, и, в свою очередь, проклекотал. Указав на девочку, он сделал неприличный жест обеими руками, свидетельствующий о его намерениях. В ответ ослабился первый.

Антон нахмурился. Ситуация не вызвала сомнений. Некие неизвестные ему существа собирались совершить насильственные действия в отношении мирных граждан. Как советский человек и пограничник, он не мог пройти мимо. Антон сорвал с плеча АКМС, откинул приклад и сдвинул вниз рычаг предохранителя. Затем вскинул оружие к плечу и шагнул во двор.

– Руки вверх!

Появление неизвестного защитника если и смутило жабьеголовых, то на миг. Левый что-то проклекотал правому, затем перехватил копье поудобнее и двинулся к Антону. По пути он, словно пушинку, отбросил в сторону седую женщину.

– Стой! Стрелять буду! – крикнул Антон.

В ответ на предупреждение жабьеголовый вскинул копье. Антон надавил на спуск. АКМС коротко дернулся (Антон опять слишком сильно надавил на предохранитель). Жабьеголовый выронил копье и ткнулся мордой в землю. Второй, на удивление, ситуацию просек сразу. Отбросив копье, он метнулся к застывшей девочке и сгреб ее за волосы. Затем выхватил тесак и закрылся заложницей от неожиданного врага, приставив ей лезвие к горлу. Заклекотал что-то угрожающее.

К счастью для Антона, он не видел американских боевиков. Поэтому не знал, что в такой ситуации следует положить оружие на землю и сдаться на милость террориста. Который с удовольствием перережет непрошенному защитнику горло. Поэтому Антон тщательнее прицелился и надавил на спуск. Пуля вошла жабьеголовому в глаз. С тыльной стороны его головы вылетел кровавый фонтан, и террорист рухнул на девочку, придавив ее к земле.

Не отнимая приклад от плеча, Антон завертел головой. Других жабьеголовых поблизости не просматривалось. Об этом свидетельствовало и поведение женщин. Мелкая, выбравшись из-под убитого насильника, подняла старушку, и теперь они в четыре глаза рассматривали неожиданного спасителя. Антон опустил автомат.

Женщины выглядели странно. Обе в мешковатых, длинных платьях, сшитых из явно домотканой материи. Непривычный облик. Обе невысокие, коренастые, с крупными,

несколько тяжеловатыми чертами лица. Глаза маленькие, веки с короткими ресницами. Носы – пуговками. Надбровные дуги мощные, лбы низкие, волосы густые. У старухи седые, у мелкой – каштановые. У обеих волосы заплетены в косы. За них, кстати, и хватал мелкую жабьеголовый.

– Что здесь происходит? – спросил Антон.

Выражение лиц женщин показало, что его не поняли. Антон, помедлив, повторил вопрос по-английски, затем по-немецки и по-французски. Ответом было то же выражение.

– Деспре че есте vorba? – произнес Антон по-молдавски.

В этот раз его поняли. Обе женщины заговорили, наперебой тыча пальцами в поверженных врагов. Их речь была непривычна, но Антон разобрал. На деревню напали некие «зурги», которые, судя по поведению женщин, были теми еще тварями. В этом отношении Антон был с ними солидарен. Старуху зурги собирались убить, а мелкую – изнасиловать, после чего увести в рабство. В доказательство седая плюнула на мертвого зурга, а молодая пнула его сапожком в бок. Ясно.

– Чине сынтець, думнеавоастрэ³? – спросил Антон, указав на самих женщин.

Они переглянулись, после чего мелкая, хлопнув ресницами, произнесла:

– Орки.

Антон завис. Об орках он знал. Ходила по рукам в их группе книга «Властелин колец», привезенная из-за границы отцом одной из студенток. Естественно, на языке оригинала. Студенты читали ее, совершенствуя английский, а заодно знакомясь с миром Толкина. Антон осилил роман полностью и хорошо помнил облики созданных писателем рас. Стоявшие перед ним женщины на орков не походили совсем. Скорее, на гномов. Орками следовало назвать убитых зургов. Но Антон решил, что разберется с этим позже.

– Каре есте пренумеле, думнеавоастрэ⁴? – спросил, указав на молодую орчанку.

– Нулорк, – ответила та и потупилась.

– Груорк, – подхватила старуха, ударив себя кулаком в грудь.

– Антон, – представился пограничник.

Женщины вновь переглянулись, и Антон понял, что они ждали нечто другое.

– Еще зурги в деревне есть? – спросил он, указав на труп.

Нулорк закивала, затем указала в сторону рукой и что-то выпалила.

– Веди! – приказал Антон и взял автомат наизготовку. С зургами следовало разобраться до конца.

Нулорк кивнула и метнулась в дом. Обратно явилась, перепоясанная ремешком, на котором болтался нож. Старуха попыталась ее остановить, что-то причитая, но Нулорк решительно тряхнула косами, затем склонилась и подобрала с земли тесак убитого «зурга». «Молодец, девчонка!» – одобрил Антон.

Они вышли со двора и двинулись пыльной улицей. Та поднималась в гору. Нулорк шагала рядом с Антоном, сжимая в правой руке тесак. Как успел заметить Антон, оружие было грубое, выкованное из обычного железа. Зато остро отточенное. Рукоять деревянная. Не успели они миновать пары домов, как впереди послышался крик. Затем показался орк. Он бежал к ним, размахивая зажатым в руке ножом. Следом поспешал зург. В руках жабьеголового было копье, которым он то и дело пытался ткнуть беглеца в спину. Но орк, оглядываясь, уворачивался.

Антон встал на колени и вскинул АКМС к плечу. Подождал, пока орк уйдет с линии огня, и нажал на спуск. Треснул выстрел. Зург сунулся мордой в землю и пробороzdил ею дорожку в пыли. Беглец остановился, оглянулся и метнулся к поверженному. Подскочив, с размаху воткнул ему нож в спину – раз, другой...

– Телорк! – окликнула его спутница Антона.

³ Кто вы? (молд.)

⁴ Как вас зовут? (молд.)

Орк вытер лезвие о рубаху зурга, подхватил его копьё и подошел к ним. Теперь Антон смог его рассмотреть. Телорк выглядел пацаном лет четырнадцати, не более. Встав перед ними, он заговорил, тыча рукой назад. Из его путаной речи Антон не понял ничего. Помогла спутница. Она стала переводить, медленно выговаривая слова. Ситуация прояснилась. Молодой орк, как и женщины, прятался в доме. Там его обнаружили двое зургов. Пытались схватить. Телорк ударил одного ножом. Зург упал, парень воспользовался замешательством второго и кинулся наутек. Зурги, несмотря на неуклюжий вид, бегают хорошо. Быть бы парню убитым, если бы не неожиданная помощь. При этих словах Телорк поклонился Антону.

– Ладно, – кивнул пограничник. – Веди к остальным.

Его не поняли, но тут подключилась Нулорк. Выслушав, юный орк что-то сказал. Быстро и непонятно.

– Зургов там не менее десяти, – перевела Нулорк. – Они у общинного дома, где заперлись наши. Зурги пытаются выломать дверь. Телорк видел это перед тем, как спрятаться. Сам он к дому не успел, как и мы с бабушкой. Живем на краю, рог не сразу услышали. Телорк говорит, что зурги хорошо вооружены. У них – луки, копьё, у некоторых – железные шлемы и рубахи. Мы с ними не справимся.

– Я убил троих, даже не вспотев, – хмыкнул Антон. – Пусть ведет.

Нулорк перевела. Телорк глянул на пограничника с уважением и сделал приглашающий жест. Они втроем поднялись на горку, спустились вниз и двинулись к возвышавшемуся в отдалении большому деревянному зданию. Антон при этом не забывал поглядывать по сторонам. Кто их знает, зургов? Вдруг где шарят по домам? Однако врагов не было. Видимо, главарь шайки, а именно так определил Антон это формирование, выслал для проверки домов две пары разбойников. Значит, личного состава у него не так много, заключил Антон.

К большому дому они пробрались дворами. Так предложил Телорк, и Антон одобрил: противника нужно застать врасплох. Спустя пять минут они были на месте и, прячась за плетнем, знакомились с диспозицией. А она выглядела так. В стороне, на улице, привязанные к забору, стояли лошади. Как понял Антон, на них и приехали зурги. А вот прямо перед Антоном и его спутниками, посреди обширного двора, стоял дом, очертаниями и размерами походивший на коровник. Вход в него закрывала тяжелая дверь, которую зурги рубили топорами. Другие, сжимая копьё и тесаки, за этим наблюдали. Еще трое с луками держали на прицеле окошко над дверью. Как понял Антон, оно предназначалось для того, чтобы приласкать желающих ворваться в здание чем-нибудь тяжелым. Об этом свидетельствовали и пара камней, валявшихся у входа. Но сейчас в окошке никого не было. Пара стрел, торчащих в стене по его сторонам, объясняли, почему. Антон пересчитал количество нападающих. Одиннадцать морд. Среди разбойников выделялся зург в железном шлеме, кольчуге и с мечом в руке. Явно главарь. Он стоял, покрикивая на тех, кто рубил дверь. Похоже, что поторапливал.

Сгоряча Антон едва не полоснул очередью по этой мерзости. Но передумал. Кто-то из лучников мог уцелеть. В исторических книгах Антон читал, что стрела, выпущенная из мощного лука, пробивала доспех рыцаря. Что говорить о пограничнике в «пэша»? Правда, в книгах писали об английских лучниках, но кто их знает, зургов? Вдруг не хуже? Действовать предстояло наверняка. Антон оценил расстояние до противника. Метров двадцать-двадцать пять. Ерунда. Он бросает гранату на пятьдесят.

– Ложитесь! – велел он спутникам.

Телорк попытался возразить, но девчонка дернула его за рукав. Молодые орки залегли за плетнем, при этом посматривая на Антона. Его это не тревожило. Антон повесил автомат на плечо и достал из подсумка обе гранаты. Аккуратно разогнул усики чеки на запалах. Поставил одну гранату на столбик ограды, у второй прижал ладонью рычаг и выдернул кольцо. После чего с размаху зашвырнул РГ-42 во двор с зургами. Затем, не медля, отправил и вторую. После чего плюхнулся на землю рядом с молодыми орками.

Разрывы грохнули один за другим. Дико заржали кони, во дворе кто-то завопил. Антон вскочил и с автоматом наизготовку метнулся к большому дому.

Наш современник, знающий о войне из фильмов, уверен, что гранаты рвутся красиво. Огромная вспышка и разлетающиеся по сторонам тела врагов. На деле все выглядит не так. Сто граммов тротила не в состоянии подбросить в воздух даже одного человека. Большой вспышки тоже нет. А вот дыма, как и осколков, много.

Когда Антон ворвался во двор, дым рассеивался. Зурги валялись на земле, некоторые пытались встать. Антон пресекал эти попытки короткими очередями – в этот раз переводчик огня он выставил правильно. Крутясь волчком, он замечал малейшее движение, отправляя в ту сторону по три пули калибра 7,62 мм. Стрелял, пока автомат не умолк. Антон сменил магазин, отправив пустой в подсумок, дернул за рычаг затворной рамы и осмотрелся по сторонам.

Живых зургов не было – по крайней мере, на первый взгляд. Пока Антон размышлял, как поступить дальше, во двор ворвались Телорк с девчонкой. Они разошлись и стали обходить тела поверженных зургов. Паренек тыкал в них копьем, а Нулорк деловито пилила глотки тесаком. Судя по воплям, живые среди зургов были. Недолго. От зрелища Антона замутило, но он взял себя в руки. Советский пограничник должен быть стойким.

Покончив с зургами, молодые орки подошли к побитой топорами двери и что-то прокричали. Им ответили. В голосе защитника слышалось недоверие. Телорк с девчонкой стали горячо убеждать. Пацан при этом размахивал руками. В окошке над дверью показалась бородастая рожа. Она некоторое время обзревала поле битвы, после чего исчезла. Заскрипела исклеванная ударами топоров дверь, и в проем протиснулась коренастая фигура с ножом в руке. Окинув двор взглядом, орк повернулся и сказал несколько слов тем, кто оставался в доме. После чего стал рассматривать тела зургов.

Из дома высыпала и растеклась по двору толпа. В ней были мужчины, женщины и очень много детей. Они бросились к убитым. Мальчишки хватали оружие, которое у них тут же отбирали взрослые, женщины стаскивали с зургов одежду и обувь.

Антон поставил автомат на предохранитель и сложил приклад. Забросил оружие на плечо и отошел в сторону. Его участия более не требовалось. Он стоял, размышляя над тем, что произошло. В горячке боя думать было некогда. По всему выходило, что он вляпался в историю. Последствия вряд ли будут добрыми. Расстрелять полтора десятка человек! И пусть это не люди, а какие-то зурги, к тому же охотники на рабов, но приказа на их уничтожение Антон не получал. Самоуправство в СССР не приветствуется. Неясно, как отреагирует на это командование, хотя догадаться можно. Из кандидатов в члены КПСС его исключат, из комсомола – тоже. Так что о карьере можно забыть. Хорошо, если не посадят. Надо же, как не повезло!

– Думневаоастрэ⁵!

Перед Антоном стояла Нулорк с каким-то кряжистым орком в синей рубахе и таком же колпаке. В бороде орка виднелась заметная седина. Темные, почти черные глаза смотрели на Антона с настороженным любопытством. Орк посмотрел на девчонку и что-то длинно произнес.

– Староста Зулорк благодарит тебя, господин, за помощь, оказанную нашему селению, – перевела Нулорк. – Он хочет знать твое имя, дабы вознести за тебя молитвы богам.

– Старшина Ильин, – пожав плечами, ответил Антон.

Глаза у старосты едва не вылезли из орбит.

– Иль? Ин? – задыхающимся голосом переспросил он.

– Ильин, – подтвердил Антон. – Это моя фамилия. А зовут Антон.

⁵ Господин! (молд.)

– Иль! – завопил Зулорк, бухаясь на колени. В одно мгновение гул голосов во дворе стих. А затем орки, словно горох, посыпались на колени. Антон растерянно посмотрел на Нулорк. Та тоже стояла на коленях, склонив голову к его ногам.

– Ты что? – Антон тронул ее за плечо.

– Прости мне, высокородный, – пролепетала девочка. – Мне сразу следовало понять, что ты иль, и приветствовать надлежащим образом. Но я никогда ранее не видела высокородных, потому и не узнала. Не наказывай меня строго.

– Да что тут у вас, бл...дь, происходит?! – возмутился Антон.

Поскольку спросил он это по-русски, ему не ответили.

3

Болела голова...

Как часто книги про попаданцев начинаются с этой фразы! В представлении их авторов, попасть в другой мир можно лишь в состоянии глубокого наркоза, то есть нажавшись до поросычьего визга. Или до положения риз. Последнее выражение, правда, не в ходу, поскольку непонятно читающей публике. В попаданченском жанре все должно быть просто. Нажрался, стукнулся головой в камень – и ты в другом мире. Вариант: тебе врезали по голове добрые люди. Таковых в нашем Отечестве много, и они всегда рады оказать услугу будущему попаданцу.

В этом отношении Антону не повезло. По голове его не били, и выпить накануне перемещения не удалось. В пограничных войсках сухой закон. Нельзя сказать, что его не нарушают, тем более в Молдавии, где вино пьют вместо воды. А если учесть, что ты служишь на КПП, где работает местное население, которое к тебе относится по-доброму... Молдаване научили Антона разбираться в винах. Он пробовал молодое и выдержанное, «гибрид»⁶ и марочное, даже крепленое. Последнее в Молдавии производят исключительно для себя, поэтому в качестве напитка можно не сомневаться. Разумеется, процесс дегустации проходил втайне от командования и не превращался в пьянку. Да и вино – это не спиртное, а продукт питания. Это вам любой молдаванин подтвердит. А также – француз, итальянец или испанец.

После столь удивительной реакции на представление спасителя орки устроили праздник. Перед этим тела раздетых догола зургов погрузили в телеги и увезли. Кровь на земле и черные пятна от разрывов гранат присыпали песком. Затем из общинного здания вытащили столы и лавки, которые расставили буквой «П». Антона, как почетного гостя, усадили в самом центре перекладки. Он тут же подгрел Нулорк и примостил ее рядом. Девчонка смущалась, уверяя, что ей не по чину почетное место, но Антон это пресек – ему требовался переводчик. Молдавский в деревне, как выяснилось, знали только Нулорк и ее «бапця». Он был, как объяснили Антону, языком «пришлых», некогда живших в этих краях. Нулорк и «бапця» были их потомками. Антон на них удачно вышел.

Гуляла деревня от души. Нападение зургов завершилось для нее удачно. Мало того, что врагов уничтожили, так еще никто не погиб. Одного селянина ранило стрелой – и все. Нулорк завершила, что «бапця» поставит его на ноги. Она у нее знахарка и травница. Так что деревня праздновала. Антону-освободителю поднесли лучшие блюда. Жареную курицу, томленую в горшке свинину, ржаной хлеб, какие-то вареные корнеплоды, вкусом напоминавшие картошку, и разнообразную зелень. При этом староста извинялся, сокрушаясь, что не может угостить высокородного гостя соответственно его статусу. Но по глазам Нулорк Антон понял, что подали ему самое лучшее, а сама девчонка такие деликатесы если и вкушала, то очень редко. Поэтому Антон навалил ей полную миску мяса, велел не стесняться. Уговаривать не пришлось. Набросилась так, что только кости на зубах захрустели. Вторую миску с деликатесами Антон велел отнести Телорку. Как-никак воевали вместе. Паренек засиял и принял угощение с поклоном. Расправившись с едой, он, размахивая руками, стал рассказывать односельчанам о состоявшемся сражении. Звучало оно, как понял Антон, примерно так: «Тут я ему – тыц! А он мне – бах! Я – вжик! А он за мной – скок!...» Затем Телорк вскинул к плечам ладони, свел их в линию и произнес: «Тр-р-р!». Антон понял, что молодой орк рассказывает о нем, поскольку немедленно поймал восхищенные взгляды селян.

Угощение подавали в глиняных мисках. Вилки не имелось, а ложки были деревянными. Да и теми почти не пользовались – ели руками. Антон – тоже. Каждый орк, включая жен-

⁶ Сорт вина из гибридных сортов винограда.

щин, носил на поясе нож, которым и разделявал угощение. Запивали еду каким-то мутным напитком из ягод. На вкус тот оказался неплох. Кисленький, прохладный – видимо, из погреба достали – он хорошо утолял жажду и пощипывал язык. Градус в нем имелся, что Антон вскоре почувствовал. Придя в благодушное настроение, он подозвал старосту и принялся расспрашивать. Нулорк бойко переводила. И вот тут пограничника ждал облом. Именно так можно было расценить его впечатление от услышанного.

Он находился не в СССР. Староста о такой стране никогда не слышал, что было невероятно. На Земле о Советском Союзе знали даже полярные медведи. Предположение, заставившее Антона вздрогнуть, немедленно подтвердилось. Мир, в котором он оказался, носил имя Нимей (слова «планета» орк не знал), а государство – Рум. Во главе его стоял король Архиль. Деревня, которую Антон защитил, звалась Гаць, и находилась она в лофстве Горсей. Это все, что смог поведать староста. Цепляясь за последнюю надежду, Антон расспросил его об окружающем мире. Тут надежда рухнула окончательно. Бой с дезертирами случился весной, в Нимее заканчивалось лето. Названия времен года, конечно, могли быть другими, но что делать с копнами сена, которые видел Антон? Откуда они весной? А встреченный им выводок волчат? Те появляются только летом – это Антон знал от охотников. Он спросил, слышали ли здесь о людях, которые приходят из других миров? Староста ответил, что такое бывало, но очень давно. В подтверждение ткнул в Нулорк, объяснив, что девочка и ее «бапця» – потомки пришлых. Потому и язык их знают. В семьях его хранят, как реликвию. Возвращались ли пришлые обратно в свои миры? Староста сказал: «Нет!», и вновь указал на Нулорк. Пришлые оставались в Нимее. Заводили здесь семьи, рожали детей. К пришлым и их потомкам отношение почтительное. Они много знают и умеют. Иметь такого в селении – великая честь. Особенно, если гость – иль. При этих словах староста встал и поклонился Антону.

Пограничник не стал спрашивать, кто такой этот «иль». На него накатила тоска. Недавняя печаль о карьере казалась смешной. Будущего у него нет. Он никогда более не увидит отца и сестру, друзей-товарищей. Даже грозное командование, которого он ранее боялся, осталось на Земле. Сейчас Антон готов был сесть на «губу», быть разжалованным в рядовые, исключенным из кандидатов в члены КПСС и ВЛКСМ – лишь бы вернуться домой. Однако приносить эти жертвы было некому.

И он напился...

Застонав от прихлынувшей боли, Антон сел. Сквозь маленькое окошко в стене вливался дневной свет. Антон осмотрелся. Он лежал в постели, прикрытый одеялом из грубой шерсти. Та ощутимо покалывала тело. Сама постель представляла собой матрас, брошенный на топчан без спинок. Судя по ощущениям, матрас, как и подушку, набили сеном. Рядом с топчаном стояла лавка. На ней, аккуратно сложенная, покоилась форма Антона. Здесь же стояли сапоги с обернутыми вокруг голенищ портянками. Это говорило о том, что разделся Антон сам. Пограничник стал вспоминать вчерашнее.

Сначала он мрачно пил. Заметив его состояние, орки решили развеселить гостя. Стали бить в бубен и танцевать. Получалось это у них, по мнению Антона, плохо. Он вышел в круг и врезал цыганочку с выходом. Танцевать Антон умел – в школьном кружке научили. Орки пришли в восторг: хлопали в ладоши и свистели в дудки. Распаясь, Антон вытащил в круг Нулорк и отжег с ней. Поначалу та смущалась. Но, подбадриваемая сородичами, оттаяла и пустилась в пляс. Получалось это у нее ловко. Антон сплясал с ней русского и полечку. Затем подозвал Телорка и стал учить соратников петь «Сегодня ночью все спокойно на границе...» Слова песни он переводил на молдавский, а Нулорк – на оричий. Не пошло. Орки многое не понимали. Например: «А на плечах у нас зеленые погоны». Или: «В любой момент ракета

может в небо взвиться, в любой момент приказ «В ружье!» разбудит нас». Объяснять было долго. Антон решил не мучиться и предложил спеть «Не плачь, девчонка!». Эта песня пошла, пришлось только слегка переделать текст. Скоро вся деревня голосила:

*– Не плачь, орчанка! Пройдут дожди!
Твой орк вернется, ты только жди.
Пускай далеко твой верный друг.
Любовь на свете сильнее разлук!*

В финале Антон разошелся настолько, что спел скабрезные частушки:

*Манька Ваньку тянет в лес.
Ванька упирается:
В магазине мяса нет,
Хрен не поднимается.*

И еще эту:

*Все картошка да картошка
И с водою молоко.
От картошки хрен – гармошкой,
И не лезет далеко.*

Здесь следует пояснить, что столь вредные для советской власти песнопения Антон выучил отнюдь не по вражеским «голосам». И даже не в институте, где, как водится в интеллигентной среде, к советской власти относились скептически. Частушкам его научили в рабочей среде. Той самой, которая, по мнению КПСС, была ее надежной опорой. Что, однако, не служило Антону оправданием. Советский человек за границей должен вести себя достойно. И не важно, куда он попал: в капиталистическую страну или фэнтезийный мир. стыдно!

Осознав это, Антон вздохнул и попытался вспомнить, переводил ли он слова частушек местному населению. Этого не удалось, поскольку вслед за их исполнением в памяти следовал провал. Антон вновь вздохнул – на этот раз громко. В ответ занавесь, ограждавшая его закуток, колыхнулась, и в образовавшемся проеме появилась лукавая мордочка Нулорк.

– Вы проснулись, высокородный Иль?

– Проснулся, – подтвердил Антон и пожаловался: – Голова болит.

– Сейчас!

Лицо исчезло. Скоро Нулорк появилась вновь, на этот раз с глиняным кувшином в руках.

– Выпейте, высокородный!

Антон взял кувшин и принял к влаге. Это был рассол! Настоящий, капустный. Видимо, такой овощ в этом мире водился. Антон опустошил кувшин и, чувствуя, как затихает боль в висках, вернул его девочке. Та не ушла, застыв в ожидании приказаний.

– Вот что, Нулорк, – начал Антон, чувствуя, как горят уши. – Я там вчера не позволил себе ничего лишнего?

– Что вы, высокородный! – закрутила головой девочка. – Всем так понравилось! Особенно песня про мясо, – она хихикнула. – Если его не есть, то какой прок от орка в постели?

«Значит, слова все же перевел», – уныло понял Антон. Уши запылали.

– А вот про «картошку» не поняли, – продолжила Нулорк. – Но женщины решили, что это тап. Его вы вчера ели. Он урожайный, зимой им спасаются от голода. Но если есть только тап, женщину не захочешь.

Нулорк захихикала. Антон почувствовал себя мерзко.

– Вот что, – сказал решительно. – Принеси мне какую-нибудь ненужную тряпицу.

Нулорк подхватила кувшин и убежала. Антон встал, натянул ботинки и обулся. Куртку надевать не стал, чтоб не испачкаться. В углу, прислоненный к стене, стоял нечищенный АКМС. Позор! Оружие следует обихаживать сразу после стрельбы, а Антон об этом забыл. И вообще распустился.

Быстро разобрав автомат, Антон пропустил в прорезь шомпола полоску чистой ткани, макнул ее в оружейное масло и стал чистить канал ствола. Где он взял масло и ткань? В подсумке. Там есть специальный кармашек, в котором у солдата хранится алюминиевый пузырек с маслом и тряпица. К возвращению Нулорк канал ствола сиял. Взяв принесенную ею тряпку, Антон разорвал ее на части и быстро довел другие части автомата до надлежащего состояния. Затем собрал его. Нулорк следила за его действиями, приоткрыв рот.

– Это ваш магический посох, высокородный? – спросила, не удержавшись.

– Просто автомат, – буркнул Антон. – И вот что. Не называй меня высокородным.

– А как?

Антон задумался. По имени? Получится панибратски. Да и девчонка слишком мелкая, чтобы звать его так. Товарищ старшина? Слишком официально. К тому же придется объяснять, кто такой старшина, и почему обращаться к нему надо «товарищ». По имени-отчеству? Смешно.

– Я могу звать вас господином, – пришла на помощь Нулорк.

Антон кивнул. Господин так господин. В западных странах это обычное обращение. В СССР оно не в ходу, но здесь другой мир. В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Покончив с автоматом, Антон достал из кобуры АПС и почистил его. Вернее, снял лишнюю смазку. Заодно разобрался с устройством пистолета. Прежде Антону не доводилось держать его в руках – только видеть на плакатах в оружейной комнате. Но разобрался – ничего сложного.

– Это тоже автомат? – полюбопытствовала Нулорк.

– Да, – ответил Антон, решив не пускаться в объяснения. Он пристегнул АПС к деревянной кобуре и вложил его в руки девчонке. – Прижимай его к плечу и смотри вон туда. Палец клади сюда. Теперь нужно поймать врага в прорезь прицела и потянуть за крючок. Ну!

Сухо щелкнул курок. Патронов в обойме пистолета, естественно, не было. Правила обращения с оружием Антон знал назубок. Взгляд Нулорк, вернувшей ему оружие, был полон обожания. Антон сунул пистолет в кобуру и положил ее на лавку.

– Мне бы умыться, – сказал, глянув на испачканные руки.

– Сейчас! – Нулорк словно вихрем смело.

Вернулась она с деревянной шайкой, кувшином и домотканым полотенцем, переброшенным через плечо. Затем принесла плошку с какой-то серой массой. Щелок. В деревне у бабушки Антон видел такой и умел им пользоваться. Поэтому быстро отмыл руки, ополоснул лицо, вытерся, после чего надел куртку. Застегнул пуговицы и опоясался ремнем. Обвешиваться оружием не стал.

– Там вас староста дожидается, – сообщила Нулорк.

Антон кивнул и отвел рукой занавесь. Спать его уложили в общинном доме, завесив закуток. Сейчас перед глазами Антона была огромная комната, заставленная лавками и столами. У ближнего топтался уже знакомый ему коренастый орк в синей рубахе. Увидев Антона, он низко поклонился.

– Как почивали, высокородный иль?

– Хорошо! – буркнул Антон. – Здравствуй, Зулорк!

Нулорк перевела. Староста улыбнулся, показав желтые зубы.

– Высокородный иль проявил милость, пожелав здоровья бедному орку.

– Вот что, – сказал Антон, – ты эти ужимки брось. Я про высокородного и поклоны. Называй меня господином.

– Как скажете, господин! – кивнул Зулорк. – Желаете завтракать?

– Желая! – согласился Антон.

Нулорк принесла им миски с капустой, нарезанным салом и хлебом на дощечке. Небогато, но сытно. А сало для пограничника – деликатес. Его ночным нарядам дают, чтоб вы знали. Антон со старостой позавтракали. Причем по лицу орка было видно, что он доволен оказанной ему честью. Антон хотел усадить и Нулорк, но та ответила, что уже ела. Однако из комнаты не ушла, присев на лавку неподалеку. Из чего Антон сделал вывод, что предстоит разговор. Так и вышло. После того, как Антон запил завтрак ягодным морсом (от спиртного он отказался), староста отряхнул крошки с бороды и хитро глянул на гостя.

– Могу я спросить господина?

– Валяй! – разрешил Антон.

– От зургов осталась богатая добыча. Кони, оружие, обувь, одежда. И вот это, – орк протянул пограничнику кожаный мешочек.

Антон взял, распустил ремешок на горловине и вытряхнул содержимое на стол. На доски упали кусочки металла. Белые, вытянутой формы. Антон взял один. Похоже на серебро. На металле просматривалось какое-то изображение, но разобрать его вследствие потертости не представлялось возможным.

– Деньги?

Орк кивнул.

– Что можно за них купить?

– За это, – орк ткнул пальцем в один кусочек, – трех куриц. За все – дойную корову или двух телок.

Антон задумался. Не густо. Но деньги пригодятся. В его кошельке имелись советские рубли, но смешно думать, что в Руме они в ходу. А ему здесь жить.

– Это я забираю, – он ссыпал монеты в мешочек. – Остальное раздай жителям. Одежду и обувь – тем, кто нуждается. Оружие – мужчинам. Кони пусть будут в общей собственности.

– Ты щедр, господин! – приложил руку к груди Зулорк. – Благодарю от имени всех жителей. Особенно за оружие.

– Я заметил вчера, что у вас его мало, – сказал Антон.

– Железо дорогое, – сообщил Зулорк, проводив взглядом исчезнувший в кармане гостя мешочек. – А мы живем бедно.

– Почему? – удивился Антон. – Земли вокруг много. Можно растить урожай, пасти скот. Лес рядом.

– Половину урожая и скота забирает лоф.

– Почему?

– Он защищает нас от зургов.

– Так ведь не защитил! – возмутился Антон.

– Это так, господин! – согласился орк.

– Вот и нечего отдавать!

– Заберет силой.

«Феодал», – понял Антон. В школе он учил историю, поэтому о феодализме знал. В учебниках утверждалось, что феодалы угнетали крестьян, забирая у них последнее. Антону это казалось дикостью. И вот пришлось столкнуться воочию. «Порядки у них!» – мысленно вздохнул Антон.

– Если только господин не возьмет Гаць себе, – внезапно сказал орк.

– Это как? – удивился Антон.

– По законам Рума тот, кто защитил селение от врагов, вправе объявить его своим, – сообщил староста.

– А как посмотрит на это лоф?

– Ему не понравится, – вздохнул староста. – Но высокородный Иль-Ин – сильный маг. Убил пятнадцать зургов.

– Четырнадцать, – уточнил Антон. – Одного зарезал Телорк.

– Пусть четырнадцать, – согласился Зулорк. – Но все равно много. Думаю, что и с войнами лофа господин справится.

– Сколько тех?

– Три десятка.

«Не так много!» – удивился Антон. В его представлении войско феодала выглядело многочисленнее.

– Как вооружены?

– Примерно как зурги. Только у каждого есть броня, копьё и меч. И все на конях.

«Тридцать всадников, – размышлял Антон. – Взвод – вернее, эскадрон. Броня и копьё – ерунда. Для пуль они не помеха. И гранаты еще есть...» Он задумался. Устраивать войну не хотелось. Бог весть, как к этому отнесется местная власть. А ему здесь жить...

– Вчера господин пел про мясо, – сказал староста. – Мы едим его раз в году. Зимой, когда забиваем свиней и бычков, которые оставил нам лоф. Мясо быстро кончается. В остальное время едим тап и хлеб. Но их не хватает до лета. Переходим на корешки и траву.

– А лес? – удивился Антон. – Там же есть дичь.

– Лоф запрещает охоту – это его леса. Деревья рубить тоже нельзя. Можно вывозить сухостой, собирать хворост, грибы и ягоды.

Антон вспомнил непривычно чистый лес, которым шел. Так вот кто его подмел! Затем на память пришла ловчая яма с волчатами. Староста явно темнил. Наверняка деревенские украдкой охотятся. Но все равно неправильно.

– Хвороста в лесах мало, – подтвердил его вывод орк. – Поэтому зимой в наших домах холодно, – он помолчал. – Если господин возьмет нас под свою руку, мы построим ему дом. Большой, просторный, в каком надлежит жить высокородному. У него будет все, что он пожелает. Он может взять себе любую женщину. Например, ее, – староста указал на Нулорк.

Та вспыхнула.

– Нулорк – ребенок! – возмутился Антон.

– Шестнадцать весен, – возразил староста. – Самое время выбрать мужа.

– Ты это брось! – нахмурился Антон. – Я сюда не за тем явился, чтобы соблазнять детей.

А насчет остального...

Он задумался. Предложение старосты выглядело привлекательным. Он в этом мире чужак. А тут предлагают влиться в местное общество, да еще в привилегированном статусе. Правда, придется повоевать. Но Антон – солдат, который этому обучен. И еще он советский человек. Которому стыдно бросить людей на произвол феодала.

– Сколько в деревне мужчин? – спросил старосту.

– Двадцать семь.

– Они заняты на работах?

– Сейчас нет. Урожай собрали.

– Пилы и топоры имеются?

– Да, господин! Хочешь приказать построить дом?

– Нет! – покачал головой Антон. – Для начала мне нужно забрать кое-что из леса. Для этого придется рубить просеку. Затем мы укрепим деревню. Сделаем вышку... Я объясню, как.

Он встал. Староста вскочил и поклонился.

– Слушаю твои приказания, мой господин!

4

Работать орки умели. Антон объяснил, что нужно сделать, мужчины наметили просеку и взялись за пилы и топоры. Работали споро и аккуратно. Сосны срезали у самой земли. С поваленных деревьев обрубали сучья, стволы распиливали на бревнышки. Все это грузили в телеги и отправляли в деревню. В результате оставался чистый проход. Антон только вздохнул, вспомнив захламленные советские лесосеки.

Его помощь не требовалась, и Антон решил погулять. Но, войдя в лес, наткнулся на Серого Брата. Волк встал перед ним, словно материализовавшись из воздуха. Антон не смутился.

– Здравствуй, брат! – сказал дружелюбно. – Ты оказался прав. В селении были злые двуногие. Но я их убил.

«А те?» – волк посмотрел в сторону, где слышался стук топоров.

– Эти хорошие.

«Они не станут разорять мое логово?»

– Я не позволю.

Волк мотнул головой, одобряя.

– Чем я могу тебя отблагодарить?

«Неподалеку пасутся свиньи. Они жирные».

Волк облизнулся.

– Сам не справишься?

«Вожак большой и сильный. У него клыки».

– Веди! – согласился Антон, снимая с плеча автомат.

Волк затрусил впереди. Сосняк вскоре закончился, они вступили в дубраву. В отдалении послышалось хрюканье. Антон загнал патрон в ствол и двинулся за волком. Тот крался, неслышно ступая по редкой траве. Вскоре замер. Антон подошел к толстому дубу и выглянул из-за ствола.

Под деревьями паслось стадо диких свиней. Здоровенный секач, три свиноматки и с десятка полосатых поросят – уже достаточно крупных. Свиньи рыли пяточками землю, разыскивая желуди.

– Тебе которого? – шепотом спросил Антон.

«Самого большого, – раздалось в голове. – Волчата едят много».

– А я возьму себе поросенка, – сообщил Антон.

Серый Брат мотнул головой, будто говоря: «Да хоть двух!». Антон прицелился и нажал спуск. Поросянок рухнул на землю. Свиньи завизжали и вместе с выводками ринулись прочь. Секач остался. Неуклюже ворочаясь всем телом, он стал оглядывать лес, разыскивая обидчика. Антон прицелился ему в лопатку. Отец учил, что диких свиней нельзя стрелять в лоб. Череп у кабанов прочный, пуля может соскользнуть. А вот в лопатку – самое то. Если и не убьешь, то зверь упадет. Добить легко.

Треснул выстрел. Ноги секача подкосились, он сел на зад, затем повалился на бок. В тот же миг к нему метнулась серая тень. Волк впился в горло зверю и сжал пасть. Секач перестал дергаться и застыл. Антон забросил на плечо автомат, подошел к убитому поросенку. Взял того за задние ноги.

– Прощай, Серый Брат!

Волк не отозвался. Располозовав резцами живот кабана, он погрузился в него с головой. Антон пожал плечами и отправился в обратный путь. Тащить трофей оказалось тяжело. Поросянок весил килограммов двадцать. Брать его на плечи Антон не хотел, чтобы не пачкать форму. Другой у него не было.

Подумав, он бросил добычу и пошел к лесорубам – вернее, к их женам. Орчанки жгли костры, готовя обед.

– Я убил свинью, – объяснил Антон. – Нужно забрать.

Подскочившая Нулорк перевела. Новость вызвала радостное оживление. Посмотреть на добычу отправилась толпа женщин. Увидев поросенка, они зацокали языками.

– Освежите его и бросьте в котел! – распорядился Антон. – Мужчинам нужно есть мясо.

Повеление встретили довольными возгласами. В четыре руки поросенок был доставлен в лагерь, где вскоре, разделанный, пошел в котел. Антон присел на траву, грызя травинку. Неожиданно перед ним возникла Нулорк.

– Я видела подле тебя волка, господин, – произнесла тихо. – Ты с ним разговаривал.

«Глазастая, – подумал Антон. – И любопытная. Подглядывала».

– Это Серый Брат. У него здесь логово и волчица с волчатами. Серый Брат отвел меня к стаду свиней, где я подстрелил поросенка.

– Ты понимаешь язык зверей?!

– Этого волка – да.

В глазах Нулорк пыхнуло обожание... «Так и рождаются сказки», – подумал Антон. А вслух сказал:

– Пошли обедать!

Орчанки у костров уже сзывали мужчин. Нулорк наверняка послали за ним, а та решила почесать язык. Антону поднесли глиняную миску с кашей. В ней виднелись куски мяса. Антон подцепил один деревянной ложкой и забросил в рот. Вкусно!

Обедая, он посматривал на орков. Было видно, что едят они с удовольствием. Проголодались, да и каша вкусная – с мясом. Обычные люди. Сейчас они не казались Антону странными. Да, выглядят несколько необычно, но назвать их некрасивыми... На земле хуже встречаются. В журнале «Вокруг света» Антон видел фотографии бразильских индейцев, папуасов, бушменов и прочих диких народностей. Те еще красавчики. Что папуасы? На КПП Антон имел возможность лицезреть представителей европейских народов. Потрясением для него стало отличие среднестатистического европейца от образа, знакомого по кино. И француженки оказались не такими красивыми, какими он их представлял, и англичанки с американками. А уж немки с голландками... На их фоне орки смотрелись вполне приятно. Разве что низкорослые. Антон с его 180 сантиметрами выглядел среди них великаном.

По пути к лесу Антон расспросил старосту о набеге. Его удивило, что многочисленные орки не смогли отбиться от полутора десятков зургов. Зулорк и выдал расклад. Во-первых, у селян не было хорошего оружия. Идти с топорами и ножами против копий и луков... Во-вторых, орки не умели оружием владеть. Воин – это профессия, которой долго учат. Где взять на это время? Селянин работает от зари до зари. Поэтому защищались пассивно. В долине, которой зурги ходят в набеги, стоит дозор – подростки на лошадях. Заметив противника, они несутся к селению. По пути трубят в рог. По сигналу пастухи гонят стада в укрытия. Скот – сладкая добыча для зургов. Работающие в поле бегут в деревню. Закрываются ворота, жители запираются в общинном здании. Оно сложено из толстых стволов и имеет крепкие двери. Пока враги подойдут, преодолеют ворота или частокол, выбьют дверь в общинное здание, пройдет время. А ведь подростки, подавшие сигнал, скачут в замок. Лоф придет на подмогу...

– Но он не пришел, – заметил Антон.

– Да, господин, – вздохнул Зулорк. – Поэтому мы обратились к тебе.

Несмотря на вздох, выглядел староста довольным. Антон подозревал, что дело не в защите. Он расспросил орка. Зурги наведывались в Гаць регулярно. Их земли неподалеку – сходить пограбить соседей сам бог велел. Основную ценность для зургов представляют скот и рабы. Сами они – кочевой народ, к возделыванию земли не склонный. А вот хлеб и овощи любят. Поэтому угнанных пленников сажают на землю. Рабы ценятся, а это мощный стимул

сходить в набег. Не случись Антона, увели бы селян. Стариков и малых детей при этом убили бы: не нужны. Спросом пользуются молодые рабы.

Услыхав это, Антон скрипнул зубами. Вот твари! Затем вспомнил уроки истории. И у них такое было. Вспомнить набеги крымчаков... Целый край жил рабовладением, пока Россия не вскрыла этот гнойник.

К вечеру просеку закончили. Антон сел в УАЗ и завел двигатель. Мотор заурчал, окружившие машину орки подались назад. Остались только Нулорк с Телорком. Антон поманил их. Подростки заколебались, но подошли. Антон усадил их на пассажирские места и тронулся. УАЗ, переваливаясь на низко срубленных пнях, выбрался из леса и покатил к деревне. Ехал Антон медленно, но все равно на лицах подростков читался восторг. Самодвижущаяся повозка, да еще железная! И окна в ней есть...

К деревне они подкатили в сумерках. Антон загнал УАЗ за общинное здание и заглушил двигатель. Вдохнул, подумав, что покатушки кончились. Бензина в баке едва треть. Взять негде.

Антон вытащил из машины ящик с патронами, отнес его в дом. При свете лампы вскрыл второй цинк и пересыпал патроны из пачек в ящик. Расправил обертки, сложил их в стопки и сшил в тетрадь. Где взял иглу? Смешной вопрос. У любого солдата она с собой – причем, минимум две. Одна с белой ниткой – подшивать воротнички, вторая с защитной – зашить разошедшийся шов или прореху залатать. Иголки с нитками Антон хранил в фуражке воткнувшими с обратной стороны околыша.

Приготовив тетрадь, Антон достал ручку. У контролера она входит в снаряжение. Ручка была шариковой, трехцветной, то есть с тремя стержнями, практически новая. Интурист подарил. Правилами запрещено брать, но ведь для дела? Пригодилась. Антон выдвинул красный стержень и вывел на титульной странице: «Словарь».

– Что это, господин? – поинтересовалась Нулорк.

– Тетрадь, – ответил Антон. – Я буду записывать в нее слова орков. Ты будешь меня учить. Согласна?

Щеки Нулорк вспыхнули, и Антон понял, что ответа не требуется...

Куворк с изумлением смотрел на деревню. Это была та же Гаць, но (светлые боги!) как изменилась! Посреди селения возвышалось странное сооружение, походившее на башню, только без стен. Площадку с крышей и оградой вверху поддерживали тонкие бревна, соединенные под углами. Наверх вела длинная лестница. Куворк не видел подобные сооружения, но его назначение оценил сразу. С площадки простреливались подходы к Гаць. Вокруг частокола появился ров – пусть неглубокий, но перелезть трудно. Нужна лестница – большая и тяжелая. Во-первых, ее требуется сделать, во-вторых, поднести к частоколу. А если в тебя стреляют?

Но более всего поражал подъемный мост, которого не имелось даже в замке. Поднятый, как сейчас, он защищал ворота, подойти к которым мешал ров. Здесь он был шире и глубже. За частоколом по сторонам ворот возвышались помосты, прикрытые забором с бойницами. Можно стрелять из луков и бросать камни. Нападающим придется туго.

Куворк тронул коня и подъехал ближе. В бойницах виднелись лица.

– Эй! – крикнул Куворк. – Мне нужен староста. Позовите!

– Я здесь! – откликнулся голос.

– Что происходит, Зулорк? – Куворк придал лицу суровое выражение. – Я прибыл за податью, а ворота закрыты. Почему? Ты не узнал меня?

– Узнал, – сообщил староста. – Но мы более не принадлежим лофу.

– Это почему? – удивился Куворк.

– Он не защитил нас.

Куворк вполголоса выругался. Ведь говорил же лофу! Когда прискакал гонец, управляющий побегал в зал, где Гайорк пировал с воинами. Сообщил о нападении зургов. Лоф пьяно ухмыльнулся.

– Отсидятся! – сказал, рыгнув. – Общинный дом у них крепкий. Любую осаду выдержит. С чего нам скакать? Не видишь, мы кушаем?

Лоф показал наполовину обгрызенную кость. Воины заржали. Куворк поклонился и вышел. В душе он кипел. Как можно бросить селян в беде? Они тебя кормят. Но кто он такой, чтобы упрекать лофа? Куворк велел накормить гонца и отправить обратно. Передал, что подмоги не будет. Понятно, что в Гацци обиделись. А ему отдуваться.

– Зулорк! – сказал управляющий. – Я понимаю твою обиду. Лоф был занят, поэтому не пришел.

– Ага! – донеслось сверху. – Занят. Жрал и пил со своими воинами. Леня было встать.

«Откуда знает? – удивился Куворк. И тут же понял: – Гонец! Ему рассказали слуги. Плохо».

– Но вы уцелели, – сказал примирительно. – Даже укрепили деревню. Лоф оценит.

– Пусть отправляется к темным богам! – послышалось из бойницы. – У нас теперь другой защитник. Высокородный иль.

Куворк едва не рухнул с коня. Иль? Здесь? На границе с зургами? Ближайший знакомый Куворку иль жил в Оули и являлся наместником короля. Предположить, что тот прибыл в Гацци, нельзя было и во сне.

– Ты обманываешь меня, Зулорк! – сказал Куворк.

– А вот и нет! – раздалось со стены. – Высокородный пришел к нам в деревню, когда зурги ломали дверь в общинное здание. Он убил их, после чего взял нас под защиту. Если бы не он, нас увели бы в рабство. Поэтому мы не платим более подать лофу. Пусть убирается в зад. А если вздумает напасть на деревню, иль убьет и его.

Куворк почувствовал себя неудобно. Если он повернет назад, жди беды. Лоф его приберет. Или выгонит. Неизвестно, что хуже. Гайорк – баран, но жалованье платит. Найти другого хозяина сложно. Особенно, если тебя выгнали.

– Могу я поговорить с высококородным? – спросил Куворк.

– Я спрошу... – начал Зулор, но его перебил звонкий голос:

– Можешь, почтенный! Только вели своим воинам отъехать подальше. В деревню впустим только тебя.

Неизвестный произносил слова медленно, с акцентом. Явно чужак. Староста не соврал. Куворк долго не думал: выбора нет. Он повернулся к охране и отдал приказ. Лица воинов перекошились. После дороги они рассчитывали на обед и выпивку, а тут селяне ставят условия. Поворчав, охрана подчинилась. Заскрипел ворот, и мост медленно пополз вниз. Коснулся земли. В тот же миг приоткрылась створка ворот. Куворк дал коню шенкеля. Он въехал внутрь, и створка за его спиной закрылась. Заскрипел ворот. Двое селян вращали его, налегая на рычаги. Толстая веревка наматывалась на широкое колесо. Мост опять поднимали.

Куворк спешил и сунул повод подошедшему селянину. Пусть обходит коня. Они проскакали десять миль, Орлик устал.

– Я слушаю тебя!

Куворк от удивления застыл: перед ним стоял иль! Высокий, стройный, но очень странно одетый. Короткий камзол, перепопоясанный широким ремнем с большой пряжкой из желтого металла. Странные круглые застежки на камзоле. Штаны, заправленные в сапоги из тонкой кожи. На плечах – погоны, но не металлические, прикрывающие от удара мечом, а тряпичные, зеленого цвета. Вдоль погон – широкая желтая лента. Одежда непривычного зеленовато-коричневого цвета. Но более всего удивлял головной убор. Круглая шапка с тонким, блестящим

козырьком. Зеленый верх туго натянут, поднимаясь надо лбом. На темно-синем околыше спереди – странный знак: красная пятиконечная звезда в обрамлении золотых листьев. В центре звезды – скрещенные серп и молот. Куворк никогда не видел таких символов. Что они означают?

Управляющий присмотрелся и почувствовал облегчение. Перед ним был не иль. Лицо у незнакомца овальное, нос хоть и прямой, но небольшой. Губы пухлые, как у девушки. Подбородок круглый. У иль лица вытянутые с большими носами, острые подбородки и тонкие губы. Но, главное, глаза! У иль они травяного цвета. У незнакомца были голубые с зеленоватым оттенком. «Полукровка! – догадался Куворк. – Но не с орком – слишком высок. Значит, хумми. Откуда взялся?»

– О чем ты хотел говорить? – спросил незнакомец.

– Прости мне! – поклонился Куворк. – Я не ждал встретить высокородного в этой глуши.

Откуда ты прибыл?

– Оттуда! – незнакомец ткнул пальцем в небо.

Куворк ощутил приступ паники: перед ним сумасшедший! Но виду не подал. Сумасшедших нельзя злить.

– Мы могли бы поговорить там? – Куворк указал на общинное здание.

– Идем!

Незнакомец повернулся и пошел к дому. Шагая следом, Куворк разглядывал его спину. На ней висел странный железный предмет, назначения которого управляющий не понимал. Предмет удерживал широкий матерчатый ремень, переброшенный через плечо полукровки. На правом бедре незнакомца, подвешенный на ремешке, болтался деревянный футляр с крышкой. Еще Куворк заметил на ремне хумми матерчатые сумки странного вида. Что в них? Оружие? Но какое?

Они вошли в дом и сели за стол. Перед этим незнакомец снял с плеч странный предмет и деревянный футляр, положив их на лавку.

– Мое имя Куворк, – сказал управляющий. – А твое?

– Ильин.

– Иль-Ин? – удивился Куворк. – Никогда не слышал такого. Это родовое имя?

– Фамилия отца.

– А матери? – спросил управляющий, опустив непонятное ему «фамилия».

– Петрик. Выйдя замуж, она взяла фамилию отца.

«Полукровка! – утвердился Куворк в своем выводе. – Отец иль взял в жены хумми и ввел ее в род. Интересно, почему? Хотя, что тут думать? Достаточно посмотреть на лицо Иль-Ина. Он очень красив. Наверняка и мать такая. Вот иль и не устоял.

– Ты знаешь язык пришлых? – спросил полукровка.

– Да, – подтвердил Куворк.

– Тогда перейдем на него. Речь орков я знаю плохо.

– Бине⁷, – сказал управляющий. – Скажи, как ты отстоял деревню?

– Когда пришел, зурки рубили дверь в дом. Еще немного, и ворвались бы внутрь.

– Сколько их было?

– Пятнадцать.

– Ты убил их всех?

– Одного зарезал Телорк, остальных – я.

Куворк потер переносицу. Четырнадцать зургов в одиночку? Невероятно! Это под силу магу. Но у хумми нет медальона. Снял? Зачем? Маги никогда этого не делают, разве что ночью.

– Как ты их убил?

⁷ Хорошо (молд).

- Из автомата, – хумми поднял с лавки железный предмет. – Ну, и пара гранат. Куворк не понял, но переспрашивать побоялся. Привстал и поклонился.
- Ты сильный маг, высокородный!
- Не называй меня так! – сморщился собеседник. – Не люблю.
- «Точно хумми!» – решил управляющий.
- Как мне обращаться?
- В деревне зовут «господин».
- Мой господин – Гайорк.
- Говори «старшина».
- Что это означает?
- Старший над воинами, – хумми коснулся ленты на погоне.
- «Так вот что она означает», – понял Куворк.
- Зачем тебе нищая деревня, Иль-Ин? Ты сильный маг. Такому обрадуются в Оули.
- Меня попросили.
- Тупые орки?
- Они люди! – нахмурился старшина. – Имеют право на достойную жизнь. Они много работают, а твой лоф забирает половину выращенного ими урожая. При этом даже не пытается защитить селян. Скотина!
- От неожиданности Куворк не нашел, что ответить. Хумми сказал то, что думал он сам. Именно «скотина». Но что делать?
- Лоф не оставит это без последствий, – произнес твердо. – Придет с войском.
- Пусть! – улыбнулся старшина. – Я убил зургов, даже не вспотев. Убью и лофа с его воинами. Так и передай!
- Я видел твои укрепления. Они могут остановить разбойников, но не мага с войском. Удар Кулака сметет их в миг.
- Какого «кулака»?
- «Он не знает! – поразился Куворк. – Значит, не маг. Глупый хумми. Надо объяснить. Не то лоф вырежет деревню».
- Зулорк показывал тебе камни?
- Какие?
- «Точно глупый!» – вздохнул Куворк.
- Зови его! Наверняка топчется за дверью.
- Зулорк!
- Дверь в дом приоткрылась. В образовавшейся щели возникла бородатая физиономия.
- Неси камни, Зулорк! – велел управляющий.
- Староста подошел, полез за пазуху и вытащил кожаный мешочек. Кулорк взял его и распустил ремешок на горловине. Затем вытряхнул содержимое на стол. На грубо обтесанные доски посыпались камешки. Небольшие – размером с яйцо голубя и кроваво-красного цвета.
- Вот! – Куворк взял камешек. – В нем Сила. Маг забирает ее из камня и бросает во врага. За один удар Кулак сметает полсотни воинов. Многие не встают. Кулак вынесет ваши ворота вместе с мостом. Разбросает защитников. После чего в деревню ворвутся воины. Что будет после, рассказать?
- Хумми взял со стола камешек.
- Он дрожит! – сказал изумленно. – Почему?
- «Маг! – поразился Куворк. – Только не обученный. Где ж он рос, если не знает?»
- Ты просто почувствовал его Силу.
- Я же говорил, что он высокородный! – хмыкнул Зулорк.
- Где ты взял эти камни? – спросил Ил-Ин.

– Возле деревни – Источник, – опередил старосту управляющий. – Орки добывают там камни и сдают лофу. Это их оброк, помимо урожая. А лоф отвозит камни наместнику короля. На этих условиях ему и дали Гонсей. Другого Источника поблизости нет. Если лоф не сдаст камни, Гонсей отберут. Теперь ясно, почему лоф будет драться?

– Почему ты не сказал? – спросил старосту чужак.

Зулорк потупился.

– Рассчитывал продать их сам, – усмехнулся Куворк. – За один камень в канцелярии наместника дают два золотых. За них можно купить трех коней или десять коров. Стадо овец. Здесь... – управляющий подвигал камни по столешнице. – Десять. Ровно столько, сколько должна Гаць. Парочка розовых – они стоят меньше, но все равно можно выручить горсть золотых. Гаць бы разбогатела. Теперь видишь, кого защищаешь? Хитрых орков, которые не сказали тебе главного.

– Я собирался... – начал зулорк, но управляющий поднял руку, призывая его к молчанию.

– Что скажешь, старшина?

Хумми не ответил. Некоторое время он двигал камни, то прикасаясь к ним, то отдергивая пальцы. Затем поднял взор.

– С какого расстояния запускают Кулак?

– Сильный маг – с сотни шагов.

– А твой лоф?

– Где-то с пятидесяти. Но если надеешься поразить его стрелой, то зря, – Куворк хмыкнул. – Мага прикрывают щитами. Кулак он отправляет из-за них.

– Вот и хорошо! – Хумми собрал камни, ссыпал их в мешочек и сунул в карман. – Слушай меня, Куворк! Гаць более не принадлежит лофу. Если он придет сюда с воинами, то умрет вместе с ними. Так и передай!..

«Точно сумасшедший! – думал Куворк, шагая к воротам. – Погибнет сам и погубит деревню». Странное чувство владело им. То, что он жалел Гаць, понятно. Не так много в лофстве деревень, чтобы терять работников. Удивительно, но и хумми Куворк жалел. В нем было... Где встретишь иля, пусть даже полукровку, который печется о селянах? Таких, если быть честным, Куворк не видел. «Убьют дурака! – вздохнул управляющий. – И ведь не помочь...»

Странная мысль поразила его. Почему хумми не испугался, когда он рассказал о Кулаке? И спросил про расстояние, с которого его запускают. А что, если?.. Нет, не может быть! Куворк даже затряс головой, отгоняя догадку. От Кулака нет спасения. Но мысль не ушла, крепко засев в голове. Если хумми убьет лофа и его воинов... Нет! Не нужно об этом думать!

Куворку подвели коня. Он вскочил в седло и выехал через приоткрытые ворота. Мысль не отстала. «Посмотрим! – решил управляющий. – Сначала сообщу лофу...»

5

Куворк происходил из богатой семьи. Его отец, высокородный маг, владел землями и замком. Из трех его сыновей двое унаследовали Дар, а вот Куворк – нет. Судьба его ждала незавидная. В королевстве Рум только маги вправе владеть землями, другим – путь в воины или купцы. Но этой участи отец сыну не пожелал. Нанял лучших учителей. К совершенности Куворк знал все существующие в королевстве языки, его историю, законы, отлично писал и считал. Более чем достаточно для хорошего управляющего. Куворк им и стал. Десять лет вел дела Итиля. Старый лоф был доволен. Но он умер, а наследник привез своего управляющего. Пришлось искать место. Не вышло. Сыновей, лишенных Дара, у высокородных хватало. Управляющий в Руме – почетное занятие. Он – второе лицо после лофа. К нему обращаются «достопочтенный», на пирах управляющие сидят рядом с высокородными. Служба позволяет им скопить денег. После чего можно купить дом в городе и жить в свое удовольствие. Не удивительно, что знатные орки использовали связи и положение, устраивая сыновей. Но отец у Куворка умер. Старшие братья отмахнулись – стыдились неодаренного. Пришлось ехать в отдаленное пограничье, где в лофстве Гонсей нашлось место. Земли здесь были плодородными, селяне – работающими, имелся Источник. Великолепные условия, чтобы сделать край процветающим. Но этому мешал сам лоф – тупая и неграмотная скотина. Он орал на всех, в том числе на управляющего, обдирал селян, пил, жрал и пользовал служанок. В этом компании ему составляли воины – пировать в одиночку лоф не любил. Доходы от земель он спускал в зланных местах. Куворк только зубами скрипел, видя, как собранные им деньги уходят на девок и выпивку. Замку требовался ремонт, слуги ходили в лохмотьях, но попытки обратить на это внимание высокородного кончались одинаково.

– Ты управляющий, вот и займись! – отвечал Гайорк.

– Но вы истратили деньги!

– Ты будешь указывать?! – багровел лоф. – Знай свой место, орк! С высокородным разговариваешь!

И он клал руку на медальон с камнем. Куворк кланялся и уходил. Лоф был в своем праве. У него Дар. Что из того, что лоф не в состоянии прочесть послание от наместника, а считать умеет до ста? Зато создает Кулак и запускает им во врага. Потому и высокородный. А вот Куворку титул не светит, несмотря на все его знания. Его доля – терпеть.

Вот и сейчас он стоял перед разъяренным лофом, выслушивая льющиеся на него оскорбления.

– Глупая курица! Трусливый заяц! У тебя было десять воинов, а ты не сумел привести в чувство обнаглевших баранов! Да им бы и пятерых хватило! Вот кончится лето, поеду в Оули и найду другого управляющего. Мне не нужен трус!..

Куворк тоскливо молчал. С Гайорка станется. Пусть! Сбережения у Куворка есть – если жить скромно, хватит надолго. В то же время Куворк понимал, что не хочет этого. Ему нравился Гонсей. Красивая земля! Леса, реки, добрые, работающие селяне. Хорошее место, чтобы встретить старость. Если бы не лоф... Куворк ощутил, как поднимается злость.

– Почему ты не наказал этих наглецов, а?

Гайорк упер руки в бока.

– Потому что они правы.

От неожиданности лоф подавился слюной.

– По законам королевства, если господин не сумел оборонить селение, жители вправе выбрать другого. Попытка наказать их подлежит разбирательству у наместника. А он спросит, почему ты не пришел на помощь. Потому что кушал? Что скажет по этому поводу наместник? Как думаешь, высокородный?

– Наместник не узнает, – отмахнулся лоф.

– Если не рассказать.

– Вот как?

Лоф посмотрел на Куворка, и тот прочитал в его глазах приговор.

– Иди! – сказал Гайорк. – Передай воинам, что я хочу с ними поговорить. Расскажут, что видели. На рассвете выступаем к деревне – всей дружиной. Тридцати воинов для нее много, но пусть парни разомнутся. Засиделись, – лоф хохотнул. – Ты едешь с нами. Понял?

– Да, высокородный! – ответил Куворк и вышел. Заглянув в казарму, он передал воинам повеление лофа и вышел во двор. Присел на скамью у крыльца. Значит, завтра. Смерти Куворк не боялся, но было обидно. За что? Добро бы погибнуть в бою или от умереть от почтенной старости. Но быть зарезанным по приказу тупой скотины? Завтра... Убивать в замке его не станут – слишком много свидетелей. Потому лоф велел ехать с ними. Что может быть естественней смерти управляющего при штурме селения? Случайная стрела или нож в бок... Наверняка лоф сейчас отдает соответствующее повеление. Воины выполняют его, не задумываясь. Они преданы лофу. Им хорошо в Гонсее. Службой не отягощены, жалование хорошее. Жри, пей и пользуй служанок. Не жизнь, а мечта. За такое любого зарежут. Дернуло же его спорить! В то же время Куворк понимал, что не мог молчать. Обрыдло. Что делать? Бежать? Не выйдет. Лоф прикажет за ним смотреть – на это у него ума хватит. Значит, смерть?

Внезапно перед взором Куворка возникло лицо странного хумми. Почему тот не испугался нападения? Чувствует за собой силу? Какую? И этот железный артефакт за его спиной... Как его хумми назвал? «Автомат»? «А ведь я не сказал о хумми, – вспомнил Куворк. – Лоф стал орать. И воины пришлого не видели: в Гаць впустили меня одного. Лоф считает: ему будут противостоят селяне. А там хумми, владеющий неизвестной нам магией. Почему он спрашивал, на каком расстоянии запускают Кулак? И ему явно понравился мой ответ. Так...»

Куворк осмотрелся. От сараев замка шла служанка с пустым ведром. Ясное дело – выносила свиньям помой.

– Нилорк! – окликнул ее управляющий. – Подойди.

Служанка подбежала. Усыпанное веснушками лицо выражало внимание. Страха в нем не было. Управляющего слуги не боятся. Он хоть и строг, но не наказывает без нужды.

– Ты родом из Гаць? – спросил Куворк.

– Да, господин, – поклонилась Нилорк.

– Давно видела родителей?

– Давно, господин, – Нилорк вздохнула.

– Ты старательная и послушная, – сказал Куворк. – Даю тебе два дня отдыха – прямо сейчас. Возьми мерина в конюшне и скачи. Конюхам скажешь: я велел. Но молчи, что я отпустил тебя к родным. Не то и другие захотят. Скажешь, что с поручением в Тумс.

Он улыбнулся.

– Спасибо, господин!

Нилорк поцеловала ему руку.

– Но-но! – Куворк погрозил ей пальцем. – Знаешь ведь, что не люблю. Передай старосте: завтра в Гаць прискачет лоф с воинами. Будет к полудню. Пусть организует достойную встречу.

– Поняла, господин!

Нилорк убежала. Собралась она быстро. Куворк видел, как служанка вывела из конюшни мерина, вскочила тому на спину и выехала за ворота. Стража, заигрывая, сделала вид, что не пустит, но Нилорк погрозила им кулаком. Воины заржали и расступились, что-то прокричав служанке вслед. Наверное, пообещали разобраться потом.

Куворк встал и отправился к себе. Надо отдохнуть. Завтра тяжелый день.

Антон любил и умел стрелять. Неподалеку от КПП находилось стрельбище. Там пограничники совершенствовали навыки и сдавали зачеты. Антон стрелял на «отлично». А вы думали, знаки доблести кому попало дают? Патронов пограничникам выделяли мало – десять штук каждому. На три очереди по три патрона на мишень, плюс один дополнительный, как последний шанс. Но Антон был секретарем комсомольской организации, отличником боевой и политической подготовки. Он защищал честь отряда на окружных соревнованиях. Поэтому ему позволяли стрелять вволю. Из автомата, ручного пулемета, даже из снайперской винтовки. Снайпером он не числился, в соревнованиях для них участия не принимал, но командиры на это внимания не обращали. Штатный снайпер заставы показал Антону, как целиться, научил рассчитывать и вводить поправки. Результат вышел неплохой. Разумеется, штатный снайпер стрелял лучше, но и Антон был хорош. У него получалось лучше, чем у офицеров. Сказывались молодость, отличное зрение и твердая рука. Офицеры физической подготовкой себя не утруждали.

Управляющий дал понять: бой будет, и Антон решил подготовиться. Достал из ящика пулемет и снайперскую винтовку, освободил их от консервирующей смазки. Затем выехал в недалекий овраг, где пристрелял оружие. Мишени, сделанные из ветвей и обтянутые рогожей, ставил на расстоянии прямого выстрела. Слова Куворка о пятидесяти шагах его насмешили. Стандартное упражнение пограничника предполагает поражение грудной мишени из автомата на расстоянии ста метров, ростовой – двухсот. При этом последняя еще и движется. Пристрелка показала, что навыки он не растерял – от мишеней только щепки летели. Антон даже опробовал пистолет, хотя применять его не предполагал. Стрелял с руки и пристегивая АПС к прикладу. В первом случае результат вышел никакой, во втором – лучше. Антон дал зарок потренироваться еще и пристрелку закончил.

За ним наблюдали набежавшие из деревни мальчишки. Прогнать их Антон не смог и, плюнув, велел держаться в отдалении. Те подчинились. После того, как он убрал оружие, мальчишки метнулись в овраг и стали подбирать гильзы. При этом они толкались и пробовали драться. Антон прикрикнул и велел разделить гильзы по-братски. Хватило всем, даже не по одной. Орчата вмиг догадались, на что гильзы годны. Овраг наполнился свистом. Орчата прикладывали гильзу к нижней губе и резко в нее дули. Свист получался глухой, но вполне себе басовитый.

Антон погрузил оружие в повозку и поехал в деревню. Там занялся обустройством огневой точки. После раздумий он устроил ее на вышке. Возвышаясь над частоколом, та первой попадала под удар Кулака, но Антон помнил про пятьдесят шагов. От ворот вышка отстояла шагов на двадцать – Антон не поленился и промерил. Итого семьдесят. Вряд ли лоф подойдет ближе. Если попытается, Антон не позволит. Старшина слабо представлял себе действие Кулака, селяне этого тоже не знали. Антон решил, что Кулак – это вроде взрывной волны. А та, как известно, ослабевает на расстоянии. На всякий случай Антон попросил втащить на вышку несколько мешков с землей. Их выложили у обращенного к воротам ограждения. Его Кулак может снести, а вот мешки – преграда. Заодно бруствер для упора оружия получился. Антон решил использовать пулемет, но автомат с винтовкой взять. Кто знает, как сложится?

Оборудовав позицию, Антон устроил совещание. На нем присутствовали мужчины. Исключением стала Нулорк, выступавшая в роли переводчицы. Несмотря на способности к языкам, орков Антон понимал неважно, говорил и того хуже. Ну, так времени для изучения языка, считай, не было. Он руководил строительством укреплений: рисовал их на картоне, объяснял, что и как нужно сделать, контролировал. На занятия с Нулорк оставались вечерние часы. К тому времени Антон уставал так, что глаза слипались. Но язык учил. Тот был не слож-

ным, но усилий требовал. Особенно произношение. Орки говорили гортанно, с большим числом звуков «р». Непривычно.

Совещание перешло в перепалку. Молодые орки, получившие оружие зургов, рвались в бой. Селяне постарше выражали сомнение в исходе битвы. Устоять перед магом и тридцатью воинами... Осторожные предлагали собрать все ценное, включая скот, и уйти в лес. Спрятаться там и переждать гнев лофа. Тот одумается: ему нужны подать и камни. Ну, прикажет высечь мужчин и сменит старосту. Не в первый раз. Вытерпят.

В ответ молодые орки обозвали осторожных слизняками. Те их – тупыми волами. Спорщики вскочили и схватились за ножи. В этот миг староста грохнул кулаком по столу.

– А, ну, тихо! Что вы себе позволяете в присутствии высокородного? Достопочтенный знает, что делать.

Орки посмотрели на Антона. Тот ответил не сразу. Перепалка его расстроила. В фильмах и книгах угнетенные классы дружно восставали против феодалов. А тут полдеревни не согласны.

– Хотите прятаться – мешать не буду, – сказал Антон в наступившей тишине. – Но тогда я уеду. Сяду в повозку и отправлюсь в Оули. Управляющий сказал: там обрадуются. А вы подставляйте зады под палки. Отдавайте лофу половину урожая, голодайте, отбивайтесь от зургов. И в моем мире так было. Землей владели помещики, селяне работали на них, мерзли и голодали, в то время как хозяева купались в роскоши. Но нашлись люди, которые сказали: «Это неправильно! Почему тот, кто работает, ходит в лохмотьях? Почему ему нечего есть, а другие жрут в три горла?» Эти люди научили селян, что делать. Они восстали и прогнали помещиков. Была война, многие погибли, но народ победил. Он создал свое государство, в котором нет разделения по происхождению. Все равны. Сын селянина может выучиться и стать большим человеком. Это приветствуется. Наши руководители – выходцы из простых семей. Мы не знаем голода, сыты и одеты. Страну охраняет войско. Мы настолько сильны, что враги боятся на нас нападать. Со времени последней войны прошло почти тридцать лет. Все эти годы мы живем мирно. Богатеет страна, богатеют люди.

Антон помолчал.

– Из моего оружия можно убить не тридцать, а сотни воинов. В том числе магов. Если вы не верите мне, то вот... – Антон достал из кармана мешочек с камнями и бросил его на стол. – Отдайте их лофу. Он продаст их наместнику и заберет золото. А я думал купить на него плуги. Чтобы распахать больше земель и получить дополнительный урожай. Еще – племенной скот. Чтобы у вас было мясо и молоко. Чтобы вы были сыты, ходили в доброй одежде и не мерзли зимой. Это дико: жить у леса и не иметь дров.

Он обвел взглядом присутствующих. Орки смотрели на него и молчали.

– Сытная жизнь не дается легко. Ее надо завоевать – так, это сделали в моей стране. Со своей стороны, могу обещать, что вам не придется идти в бой. Справлюсь сам. Но вы должны поддержать. В моей стране говорят: «Один в поле не воин».

Антон умолк. Орки переглянулись и посмотрели на старосту. Тот встал и прокашлялся.

– Приказывай, господин!..

На рассвете выехать не получилось. Совещание лофа с воинами перетекло в пьянку. Пока похмельные пробудились, пока привели себя в порядок и позавтракали, Светило встало над горизонтом. Ехали молча. Похмелье не способствовало разговорам, да и дело ждало грязное. Предстоящая расправа воинов не радовала. Одно дело – рубить зургов, другое – убивать своих. Куворк ловил на себе хмурые взгляды. Почему-то именно его воины сочли виновником происшедшего.

Управляющий ехал в центре колонны, окруженный со всех сторон. Это укрепило его в подозрении, что приказ отдан. Сознание затопила паника, но управляющий сжал зубы и усилием воли прогнал ее. Что бы ни произошло, он не покажет страх.

Гаць их ждала. Поля стояли пустынными – ни стад, ни работников. Куворк понял, что Нилорк предупредила орков, и ощутил радость. А вот лоф испытывал ровно противоположные чувства. Остановив отряд в сотне шагов от деревни, он с мрачным лицом стал рассматривать укрепления. Затем подозвал Куворка.

– Воины донесли: Гаць взял под защиту высокородный иль. И ты с ним разговаривал. Это так?

– Да, высокородный.

– Почему не сказал?

– Ты не дал мне такой возможности. Стал кричать. Затем прогнал.

– Мог подойти потом, – буркнул Гайорк.

– Ты совещался с воинами. Меня не звал.

– Вот что, Куворк, – сказал лоф. – Вижу, что ты обижен. Я погорячился. Сам знаешь, почему. Но не нужно таить обиду. Согласен?

Речь лофа звучала примирительно, но Куворк не обольщался на этот счет. Гайорк хоть и туп, но скотина хитрая. Расправа последует все равно. Но молчать нельзя – убьют прямо сейчас. Куворк кивнул.

– Расскажи об иле.

– Это хумми, – сказал управляющий.

– Уверен?

– Да, господин. В нем нет черт высокородного.

– Почему орки признали его илем?

– Назвался им.

– Он маг?

– У него нет медальона.

Куворк отвечал односложно, старательно выбирая слова. Врать магу нельзя – тот чувствует ложь. Но и всю правду говорить не обязательно. Ведь так?

– Какое он произвел впечатление?

– Сумасшедший.

– Почему? – сощурился лоф.

– Говорит, что прибыл оттуда, – Куворк показал пальцем в небо.

Лоф хмыкнул.

– Однако этот сумасшедший неплохо постарался, – Гайорк указал на вышку. – Не видел такого.

– Я тоже, – сказал Куворк. – Но это лишь подтверждает мой вывод, что хумми не маг. Тому укрепления не нужны.

– Пожалуй! – согласился лоф. – Ладно. Вижу, что хозяева нам не рады. Никто не вышел встречать, не вынес браги промочить горло с дороги, – последние слова Гайорк произнес явно для воинов. – Придется напомнить о гостеприимстве. Всем спешиться, коней отвести в сторону!

– Выделить коноводов? – спросил десятник.

– Перебросьте поводья через головы – не убегут. Вот он присмотрит, – лоф ткнул пальцем в управляющего. – И еще Седлорк. Он вчера повредил ногу, от хромого при штурме толку мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.